

Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД В 1936–1946

Хронологические рамки этой работы охватывают ключевые эпохи «большого террора», бериевского «наведения порядка», войны и первых послевоенных лет. В связи с крайне отрицательным отношением наследников ВЧК-КГБ к попыткам исследователей заняться изучением личного состава органов госбезопасности СССР, фонды местных ФСБ и УВД использованы, к сожалению, довольно скромно. Тем не менее, документы обкома ВКП(б) – протоколы, переписка с УНКВД, личные партийные дела гебистов, фонд парторганизации управления НКВД и Облисполкома (сведения о награждениях и персональных пенсиях) в сочетании с архивами суда и прокуратуры, довоенного фонда фельдсвязи УНКВД и опубликованными работами дали обширный и разнообразный материал.

Органы ОГПУ-НКВД Западно-Сибирского края в 1930-е возглавляли известные чекисты Л.М. Заковский, Н.Н. Алексеев, В.А. Каруцкий ¹. В середине десятилетия управление НКВД в Новосибирске насчитывало примерно 500 человек. В результате партийной чистки к февралю 1935 из 514 чел. были уволены 62 (12%). Оперсостав пострадал несколько меньше: из 270 оперативников исключили 27. Из них 12 чел. были признаны «социально чуждыми, 10 – «морально разложившимися», 3 – «нарушителями партдисциплины», 1 – «буржуазным перерожденцем», 1 – «обюрокротившимся». Среди остальных работников УНКВД вычищенных за неподходящее происхождение было в полтора раза больше.

Характеризуя оперсостав, партком отмечал, что 42% его – коммунисты с невысоким стажем (после 1928), а рабочих среди них всего 33%. Остальные по происхождению относились к служащим (55%) и крестьянам (12%). Представление о соотношении чекистов ведущих отделов – особого, секретно-политического и экономического – по происхождению, профессиональному и партийному стажу дает таблица 1 (*Составлена по*

	по происхождению			по чекистскому стажу			по партийному стажу			
	раб.	крест.	служ.	1918-20	21-29	30-34	до 1919	20-24	25-34	
Всего оперсостава	270	89	32	143	32	114	124	38	66	166
Особый	41	12	3	26	6	23	12	4	15	22
СПО	45	12	4	29	8	24	13	6	10	29
ЭКО	33	7	3	23	3	13	17	2	5	26

данным: ГАНУ. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 3, 60).

Из таблицы видно, что по всем показателям особый и секретно-политический отделы чрезвычайно близки между собой, а экономический значительно уступает им и по квалификации работников, и по величине их партийного стажа. Примерно таким же по численности был и транспортный отдел, но его парторганизация тогда существовала обособленно. Учтя также сотрудников городских и районных отделений края (больше 120) и считая, что в рядовом райотделе было по три-четыре оперативника, получим общую численность оперсостава УНКВД по Западно-Сибирскому краю – примерно 700 человек. В структуре же краевого аппарата, помимо четырёх названных отделов, существовали: управление пограничной и внутренней охраны (56 коммунистов), отдел кадров (28 партийцев, включая аппарат особоуполномоченного, следившего за

благонадежностью чекистов и вёдшего следствие по их проступкам), инспекция резервов, контролировавшая состояние мобилизационных резервов (18 партийцев), оперативный, ведавший охраной и наружным негласным наблюдением (12 чел.), учётно-статистический, концентрировавший информацию о всех гражданах, по тем или иным причинам попавших в поле зрения НКВД (9 чел.), и комендатура – 28 членов партии **2**, занимавшихся «обслуживанием» внутренней тюрьмы и периодически расстреливавших осуждённых. Свои уполномоченные имелись в каждом из многочисленных лагерных отделений Сиблага, как неофициально после 1934 называлось Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний, – они подчинялись Третьему (оперативно-чекистскому) отделу Сиблага.

Чрезвычайно мало известно о так называемых негласных уполномоченных, или резидентах, которые обязывались контролировать окрестную агентурную сеть, выполняя роль передающего звена между рядовым сексотом и штатным гебистом. Один из них – бывший член компартии Китая П. И. Сойкин, сосланный на 5 лет в Сибирь за «троцкизм». До 1936 он фактически возглавлял интернациональный полк в Прокопьевске, состоявший из тысячи с лишним интернированных китайцев. Из них лишь двое знали русский язык, поэтому Сойкин, ведя по поручению Особого отдела агентурную работу среди китайцев, быстро превратился во внештатного уполномоченного и «пользовался правом вести в здании горотдела следствие по китайцам». В апреле 1937 прокопьевских особистов клеймили на партсобрании за совместное пьянство со злейшим врагом – «троцкистом»...
3

Большинство чекистов имело начальное образование, дополненное одно-двухгодичным обучением в Центральной школе НКВД или непродолжительными оперкурсами на местах. С середины 1930-х заработала крупная межкраевая школа (МКШ) НКВД в Новосибирске с примерно годичным курсом обучения. Образовательный уровень чекистов был очень низким. В апреле 1936 один из кадровиков сетовал на то, что следователи очень слабы в математике и порой ухитряются сделать по 50-60 ошибок «на 140 слов диктанта». Секретарь парткома УНКВД Н.М. Терентьев свидетельствовал, что ряд его коллег за 1935 ни разу не были в кино, зато «играют в преферанс многие и даже парторги и не умеющие играть научились... Такую картину, как "Чапаев", не посмотреть – это большое упущение».

За 1934 чекисты Западной Сибири получили 680 путёвок на курорты, не считая 200 путёвок для членов семей. Доставались им и иные материальные блага – так, многие новосибирцы позавидовали бы молодому особисту Н.И. Таныгину, жившему вместе с тремя домочадцами в одной комнате: о его «трагическом положении» партбюро сообщало начальнику УНКВД Каруцкому, жалуясь при этом на «преступное и издевательское отношение» к Таныгину со стороны работников административно-хозяйственного отдела
4.

Впрочем, быт людей «искореняющей профессии» не был вполне обеспечен. Чекисты постоянно жаловались на скверное отношение со стороны собственных вспомогательных служб. Работник сферы распределения чувствовал такую безнаказанность, что, не особенно боясь потерять тёплое место, с удовольствием хамил грозным оперативникам и обсчитывал их при любой возможности, а последние, как правило, терпели. К спецзалу столовой N1 было прикреплено 200 чекистов, а реально пользовались услугами столовой 365 чел., включая заключённых и ссыльных 5. Получить в столовой вовремя порцию приличной еды было для чекистов не просто и десятилетие спустя.

Характерной чертой жизни чекистов было их повальное и ничем не удержимое пьянство. С одной стороны, начальство пыталось бороться с этим злом, особенно когда оно отражалось на оперработе, с другой – раздобыть дешёвый алкоголь чекисту никогда не стоило большого труда. Наказания для пьяниц не были слишком суровы, а многие уволенные за эту слабость очень часто вскоре возвращались в органы, как, например, будущие зам. начальника Секретно-политического отдела Г.Д. Погодаев и начальник водного отдела А.В. Баталин 6. Другого способа «снимать стресс» у них не было, а «моральных перегрузок» было предостаточно: только в первые месяцы 1930 сибирские чекисты расстреляли более тысячи крестьян, а сохранившиеся в фонде краевого суда акты о приведении расстрельных приговоров в исполнение за 1933-1938 говорят о том, что на местах в казнях как уголовников, так и политзаключенных участвовали начальники городских и районных отделов НКВД и милиции, а также народные судьи и прокуроры. Вообще-то для этих целей имелись штатные единицы: начальники тюрем, их заместители, дежурные коменданты и вахтёры, но – по-видимому – привлечение к «свадьбам» (так на чекистском жаргоне именовались казни) оперсостава НКВД имело целью дать необходимую закалку «бойцу передового вооружённого отряда партии».

Новые времена для чекистов края настали летом 1936, когда за неумеренное пьянство Г. Ягода снял с поста начальника УНКВД ЗСК Каруцкого и на его место в первых числах августа прибыл с Северного Кавказа В.М. Курский 7. Тот прекрасно понял, что после процесса над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, И.Н. Смирновым и другими бывшими оппозиционерами Центру нужен аналогичный эффектный местный процесс.

Ещё в начале 1936 в помощь Каруцкому был прислан А.И. Успенский 8. В июне он и Каруцкий добились ареста члена бюро Запсибкрайкома ВКП(б), старейшего большевика Сибири В.Д. Вегмана, вскоре погибшего в тюрьме. На первом допросе Каруцкий заявил Вегману: «Мы знаем, что вы не троцкист, но вы должны признаться в том, что вы двурушничали, обманывали партию, передавали для Троцкого деньги» 9. Тот отказался давать показания. Тогда помощник начальника Особого отдела СибВО А.П. Невский и заместитель начальника СПО УНКВД С.П. Попов 10 решили связать Вегмана с арестованным еще в апреле 1936 Н.И. Мураловым – бывшим начальником Московского военного округа, давно сосланным в Сибирь и работавшим в системе треста «Кузбассуголь».

В марте 1937 на партсобрании в СПО С. Попов жаловался на то, что Каруцкий и тогдашний начальник СПО И.А. Жабров 11 около года не давали хода подготовленной 1-м отделением агентурной разработке «Военный». Около десятка томов этого материала якобы свидетельствовали о существовании контрреволюционной организации во главе с Мураловым. Начальники долго отвечали Попову, что «никакой организации нет, а есть [просто] окружение Муралова» 12. Арест Вегмана выручил Попова, поскольку Муралов почти 8 месяцев не давал показаний и сломить его волю удалось только в Москве, перед самым процессом. Попов и Невский быстро добились от старика Вегмана показаний о существовании разветвлённого троцкистского террористического центра. В руководство этого «центра» чекисты записали и других ответственных работников края, в том числе М.И. Сумецкого и И.Н. Ходорозе. От одного из арестованных они добились показаний о том, что по указанию Муралова и Ходорозе ещё в 1932 в Москву был послан террорист Иванов с заданием убить Сталина, позже поселившийся в Сочи, чтобы подстеречь вождя во время отдыха. Заместитель Каруцкого А.К. Залптер 13 предложил подчинённым подождать с докладом об этом «факте» в наркомат, осторожно сказав: «Если мы этот протокол пошлём, то наделаем много шума. А вдруг Иванов не будет разыскан, и мы с этим делом сядем». Вскоре Залптер убыл в Красноярск, а Курский как раз и стремился к наибольшему «шуму». Иванова обнаружили, и тот, конечно, «признался в том, что

охотился за тов. Сталиным». Другим террористом был объявлен заведующий гаражом «Шахтстроя» В.В. Арнольд, по чьей неосторожности в сентябре 1934 машина, в которой он вёз в Прокопьевск В.М. Молотова, съехала в кювет. Через два года Арнольда арестовали за попытку теракта над главой правительства.

23 сентября 1936 на кемеровской шахте «Центральная» в результате взрыва газа погибло 10 человек. Комиссия, расследовавшая причины аварии, два месяца сидела в здании горотдела НКВД (его начальник И.А. Врублевский сразу после процесса был снят и отправлен командовать пожарной охраной края) и под диктовку чекистов сочинила необходимый для громкого процесса акт. «Кемеровское дело» было рассмотрено в Новосибирске 19-22 ноября под руководством знаменитого В.В. Ульриха, и все 9 обвиняемых были признаны виновными в диверсионной и шпионской деятельности.

Роль шпиона была отведена германскому подданному инженеру Эмилю Штиклингу. Шестеро руководителей шахты были немедленно расстреляны, а три человека (включая Штиклинга) получили от Президиума ЦИК СССР помилование в виде 10-летнего тюремного срока 14.

В отдельное производство было выделено дело по обвинению начальника кемеровского «Химкобинатстроя» Б.О. Норкина, его заместителя Я.Н. Дробниса, начальника «Сибмашстроя» М.С. Богуславского, управляющего Салаирским цинковым рудником А.А. Шестова, главного инженера треста «Кузбассуголь» М.С. Строилова – их, наряду с Мураловым, Ходорозе, Арнольдом и многими другими, включили в состав т. н. «Западно-Сибирского троцкистского центра», якобы занимавшегося террором и диверсиями. Через несколько месяцев в Москве на процессе «Параллельного центра» из 17 обвиняемых 7 будут представлять Сибирь.

Объём деятельности УНКВД резко возрос. С 20 октября 1936 приказом Успенского «до особого распоряжения» были отменены отпуска сотрудников. Курский и Успенский спешно готовили «дела» о подготовке терактов против секретаря Крайкома и кандидата в члены Политбюро Р.И. Эйхе во всех местах, где тот бывал. Могущественный сталинский наместник в Сибири Эйхе активно поддерживает начинание Курского. (Полтора года спустя Успенский на Украине будет охотиться на «покушавшихся» на Хрущёва: сотни людей окажутся уничтожены).

По заданию Успенского заместитель начальника Дорожно-транспортного отдела (ДТО) Г.М. Вяткин ловко «оформил» дела на почти тысячу «врагов». За это его похвалил сам нарком Ежов. Руководство УНКВД лично участвовало в допросах наиболее «перспективных» обвиняемых и давало конкретные указания вносить в протоколы нужные следствию исправления и добавления 15.

Ежов был доволен энергичной деятельностью Курского, в том числе и «наведением порядка» в рядах самого УНКВД. До 1936 в органы ещё зачастую принимали без тотальной проверки всех родственных связей: теперь у многих обнаружались подозрительные в том или ином смысле родственники и свойственники. Кроме того, в разгар террора знакомство с репрессированным перестало быть редкостью. Наконец, у руководства УНКВД края имелись и «исторические» мотивы для сомнений в политической благонадежности своего оперсостава.

Всем надолго запомнился беспрецедентный эпизод марта 1930, когда райуполномоченный ОГПУ в Уч-Пристанском районе Ф.Г. Добытин, по-видимому, из сочувствия к алтайским крестьянам, арестовал 80 чел. совпартактива и, застрелив ещё девятых, освободил

сидевших в каталажной камере райцентра «кулаков». Захватив полторы сотни винтовок, он возглавил тогда повстанческий отряд в 400 человек. Имелось на репутации управления и ещё одно пятно – т. н. дело «изменника» Клейменова: о нём невнятно и глухо упоминали на партсобрании в феврале 1935. Один из выступавших упрекал отдел кадров, куда на Клейменова «поступали сигналы» ещё в 1932, в утрате бдительности. Настороженно отмечались на том же собрании и высказывания отдельных работников о «руководящей роли Троцкого, Зиновьева, Каменева в гражданской войне» 16.

Через полтора года тональность работы с кадрами резко изменилась. Командир полка войск НКВД С.П. Гречкин отделался легко: получил строгий выговор с предупреждением за пятнадцатилетней давности симпатии к взглядам Троцкого на профсоюзы. Пытаясь оправдаться, он неосторожно ляпнул о популярности Троцкого среди армейцев, но тут же «поправился, заявив, что он хотел сказать, что Троцкий в то время пользовался некоторым авторитетом среди некоторой части военных, получивших от Троцкого лично подарки». А вот оперативника Особого отдела П.С. Шеманского в том же августе 1936 взяли под стражу: он поддерживал знакомство с мужем своей сестры, а того арестовали.

Тогда же был арестован начальник оперпункта НКВД станции Мариинск Д.И. Чухманенко – за то, что в 1932-1933, работая в Ачинске, помогал Александру Каменеву (1906 – 15 июля 1939) «установить связь» с сосланным отцом, а самого Л.Б. Каменева, когда тот возвращался в Москву, принимал у себя. Та же участь постигла политрука ВОХР Сиблага Н.Г. Черникова: сопровождая заключенных «троцкистов» из Мариинска в Архангельск, он разрешал им свидания с родственниками и прогулки на станциях. Своим подчинённым, попытавшимся было умерить его «либерализм», Черников заявил: «...троцкистов опасаться нечего, они бывшие коммунисты, занимавшие раньше ответственные посты» 17.

Осенью 1936 за создание «привилегированного положения «контрреволюционерам-троцкистам» был арестован и начальник Мариинского отделения Сиблага Ф.В. Забелин, а руководитель Суловского лагпункта А.П. Чухиль снят с должности и исключён из партии. В октябре арестовали начальника Беловского райотдела НКВД Г.Г. Кузнецова – за невыполнение задания по «чекистскому обслуживанию активного троцкиста-террориста Леонова», затем за решеткой оказался помперуполномоченного Усть-Калманского РО НКВД Е.А. Васильев, который имел неосторожность вспомнить, что Г.Е. Зиновьев был когда-то главой Коминтерна. Начальник АХО УНКВД В.С. Григорьев поплатился свободой за свой конфликт с Успенским: назвал какие-то его действия «вредительскими» 18.

А вот 30-летний оперативник ЭКО19 А.С. Князев-Ветошкин по неизвестной нам причине 13 ноября 1936 направил парторгу свой партбилет, а начальнику управления – служебное удостоверение. Он был тут же арестован и обвинён в самых разнообразных проступках: от связи с троцкистами до избиения жены и растраты 800 рублей 20. К сожалению, не имея доступа к его делу, не можем разобраться в мотивах его необычного поступка.

Фемида была поначалу к чекистам снисходительна. Председатель военного трибунала войск пограничной и внутренней охраны НКВД Западно-Сибирского округа военюрист 1 ранга А.З. Суслов и военный прокурор, также военюрист 1 ранга А.К. Апанович вынесли в начале 1937 несколько оправдательных приговоров: Кузнецову, Максимову, Григорьеву, а также освободили из-под стражи начальника особого отделения оперчекистского отдела Сиблага С.М. Новицкого (обвинявшегося, впрочем, в создании липового дела на шестерых «шпионов»). В начале марта Суслов получил строгий партийный выговор и вскоре был заменён менее сентиментальным военюристом 1 ранга Ф. Чумало. Тогда же

Москва по сигналу из УНКВД уволила Апановича из военной прокуратуры, что, по всей видимости, произвело должное впечатление на его помощников – И.А. Паперно и Л.В. Зонненберга 21...

В декабре 1936 Курский был отозван на повышение в Москву, а новым начальником краевого УНКВД стал другой пришелец из так называемого «евдокимовского» гнезда – бывший начальник УНКВД по Днепропетровской области С.Н. Миронов. Долгое время возглавлявший органы ОГПУ Северо-Кавказского края Е.Г. Евдокимов пользовался особым доверием Ежова, поэтому его бывшие подчинённые сделали в 1936-1937 прекрасные карьеры как на местах, так и в центральном аппарате. Управление НКВД Новосибирской и Омской областей до 1938 возглавляли именно «евдокимовцы»: Курский, Миронов, Г.Ф. Горбач и К.Н. Валухин.

Миронов регулярно направлял Р. Эйхе протоколы допросов со своими подробными комментариями. После создания тройки НКВД из Эйхе, Миронова и краевого прокурора И.И. Баркова именно всесильный первый секретарь фактически председательствовал на её заседаниях. Миронов обстоятельно сообщал ему, кто из арестованных «упорно отрицает» или «продолжает сильно путать», кто «капитально передопрошен [и] дает весьма правдоподобные показания», а кто «раскис» и готов «в ближайшие дни прекратить сопротивление» 22...

Миронов информировал Эйхе и о том, что проект реорганизации структуры УНКВД путем образования нескольких межрайонных оперативных секторов с центрами в крупных городах (Барнаульский оперсектор, к примеру, объединял целых 14 райотделов НКВД) в наркомате одобрен, что его помощник М.М. Подольский будет произведён в майоры госбезопасности (это звание соответствовало полковнику РККА), а Д.Д. Гречухин останется начальником Контрразведывательного отдела... 11 января 1937 он писал, что уже через несколько дней в Москве начнётся процесс «параллельного центра», на котором предстанут и арестованные «по нашей группе», т. е. бывшие хозяйственные руководители края, «разоблачённые» с самой активной помощью Эйхе.

Тесные контакты за год совместной работы сложились у Эйхе и с Успенским. Тот в марте получил пост начальника Оренбургского УНКВД, откуда не забыл по случаю Первомая послать «моему учителю от всей души самый тёплый большевистский привет» и порадовать его своими новыми успехами: «мне удалось в течение нескольких дней вскрыть троцкистско-фашистскую организацию на Орских новостройках» 23 (имелся в виду крекинг-завод).

К апрелю 1937 численность оперсостава краевого аппарата УНКВД составляла по-прежнему 270 человек, но произошли большие изменения в структуре. Почти вдвое уменьшилась численность Особого отдела (до 22 коммунистов), «похудел» Секретно-политический (до 35), а также Транспортный (26), зато Контрразведывательный насчитывал 60 членов партии 24 (обильный приток в НКВД комсомольцев начнётся немного позже). Именно КРО был призван сыграть ведущую роль в грядущих массовых операциях. Весной 1937 руководящий состав управления был полностью подготовлен к проведению «большого террора». Помимо С.Н. Миронова, его заместителя Г.Ф. Горбача и помощника И.А. Мальцева, в состав репрессивного ядра входили: начальник КРО Д.Д. Гречухин (заместитель – М.И. Голубчик), начальник СПО С.П. Попов (заместитель Г.Д. Погодаев, затем – К.К. Пастаногов), начальник ДТО А.П. Невский (заместители Г.М. Вяткин, А.В. Шамарин), особоуполномоченный – В.Д. Монтримович, начальники отдела кадров – Г.И. Орлов и И.Н. Ольшанских 25. Особый отдел, как правило, возглавлялся

заместителем начальника управления; весной – летом 1937 им руководили – по совместительству – Попов и Гречухин.

Из руководителей местных органов НКВД особым рвением выделялись И.В. Овчинников (Томск), С.С. Мартон (Нарым), Монтримович (Кемерово), И.Ф. Золотарь (Ленинск-Кузнецкий), И.Я. Бочаров (Ойротия, ныне – Республика Алтай), А.С. Ровинский (Сталинск, ныне – Новокузнецк), Д.Ф. Аболмасов (Мариинск), М.М. Портнягин (Барабинск) 26, Л.И. Лихачевский (Куйбышев) и многие другие. В руководстве оперчекотдела Сиблага находились А.Б. Данцигер, В.О. Моисеев, И.А. Писклин 27. Управление Сиблага возглавлял Шишмарёв, отдел трудовых поселений – И.И. Долгих, краевое управление милиции – А.К. Альтберг 28.

Высшие чины союзного НКВД заранее позаботились о кадровом обеспечении грядущих репрессий. Начальник ГУГБ НКВД Я.С. Агранов 29 и руководитель отдела кадров наркомата М.И. Литвин 30 3 февраля 1937 сообщали Миронову, что для устранения имеющегося дефицита оперсостава в 97 человек его управление может забрать 40 выпускников Новосибирской МКШ, а оставшийся некомплект пополнить проверенными коммунистами и комсомольцами. О состоянии дел с пополнением предписывалось сообщать в наркомат каждую декаду. Сохранившийся список 61 кандидата в МКШ, досрочно выпущенных в ноябре 1937, показывает, что среди курсантов нового призыва преобладали лица с неполным средним образованием, а студентов насчитывалось всего 7 человек. Зато социальный состав был на высоте – к классу-«гегемону» относилось 39 человек. Возраст большинства будущих чекистов колебался от 23 до 26 лет (не ниже 20 и не выше 29) 31.

Массовых репрессий в отношении работников УНКВД в первой половине 1937 не было, но чистка затрагивала среднее звено аппарата, всё больше и больше выбрасывая из органов (хотя это и не всегда сопровождалось арестом) тех, у кого что-то было «не в порядке». Так, в январе были исключены из ВКП(б) и сняты с работы начальник оперпункта ДТО станции Белово М.М. Галушкин и начальник Белоглазовского РО НКВД Л.С. Михайликов – первый за беспробудное пьянство, второй – как «пробравшийся враг», скрывший родственника-попа. Весной были арестованы бывший начальник Новосибирского домзака А.И. Вишнер, начальник Венгеровского РО НКВД Д.И. Надеев (его подчинённые В.Ф. Коротков и М.Ф. Филимонов донесли о его неуважительных высказываниях в адрес Микояна, сомнениях в надёжности облигаций, «проповедовании фашистских теорий» и т. д.), начальник Барзасского РО С.М. Вакуров. После 13 «сигналов» Ежову о троцкистских симпатиях в 1920-е помощника начальника 2-го отделения СПО Б.И. Сойфера, тот был 9 февраля арестован (заодно его обвинили во вредительском ведении дела о гибели 20 детей при пожаре в детском саду, из которого чекисты потом сделали расстрельный политический процесс); в тот же день был арестован оперативник Особого отдела Г.Л. Кацен 32.

Сохранялась и видимость контроля за состоянием законности в УНКВД, периодически наказывали тех сотрудников, кто «нарушал». Работник оперпункта ст. Болотное П.К. Клоков в марте 1937 с трудом избежал уголовной ответственности за принуждение свидетелей к нужным ему показаниям, отделавшись переводом в Кемерово. В мае начальник Каргатского РО НКВД П.М. Тетерин жаловался в письме Миронову на 10-суточный арест: без согласования с УНКВД он взял под стражу зоотехника Ларичева, а тот покончил с собой. Обиженный Тетерин просил уволить его из органов, на что получил резкий ответ начальника управления, который, впрочем, пообещал: «Исправьте недочеты, и я отменю взыскание» 33.

Бывал Миронов и построже: начальника Рубцовского оперпункта ДТО УНКВД Н.Ф. Паршина сняли с должности, а его подчиненного И.И. Кокшарова арестовали на 15 суток и сняли с оперработы (правда, на время) – они провинились в том, что в конце апреля без санкции прокурора арестовали пятерых коммунистов вагонного участка. А начальник Шипуновского РО М.С. Панкратьев «за грубое отношение к подчинённым», в результате чего один из них покончил с собой, был осуждён в апреле на 3 года лагерей 34.

В то же время Миронов подчас брал под защиту некоторых своих подчинённых, призывая не слишком увлекаться «разоблачениями» бытового свойства. Весьма своеобразно он заступился за Пастаногова, на которого было несколько доносов, сообщавших, что в 1930 тот уклонился от участия в наряде, который должен был расстрелять его родного дядю. Ещё в 1934 Пастаногов во время партийной чистки откровенно заявил о своих дядей по отцу – фельдфебеля и урядника: «я содействовал вычистить одного дядю из профсоюза». Однако его сослуживец Луньков 35 настойчиво сигнализировал о бывшем малодушии коллеги, всякий раз подчёркивая, что приговор над Пастаноговым-дядей в исполнение «приводил лично я». В 1937 из этих препирательств возникло «дело»...

Миронов заявил следующее: «Приводить в исполнение приговор может не всякий чекист – просто иногда по состоянию здоровья, поэтому выдвигать его как мотив прямого политического обвинения будет не совсем правильно, особенно имея в виду, что Пастаногов не был назначен в этот наряд. На его дядю первые материалы о контрреволюционной деятельности поступили от тов. Пастаногова. И если бы даже Пастаногов заявил, что ему неудобно идти расстреливать дядю, здесь, мне кажется, не было бы нарушения партийной этики». Разъяснение было принято, и собрание постановило считать своего товарища «реабилитированным», отметив, что по отношению к нему не была проявлена должная «партийная чуткость» 36. А вот начальнику КРО Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД Э.А. Фельдбаху, несмотря на исправное участие в казнях, в том апреле пришлось расстаться с партийным билетом – за происхождение из «белогвардейской семьи».

Весной 1937 Миронов поделил отделы своего УНКВД на передовые и отстающие. К первым были отнесены Секретно-политический и КРО, ко вторым – Особый и Транспортный. Новое руководство Транспортного отдела – Невский и Вяткин – усиленно «раскачивало» своих нерасторопных подопечных. В феврале один из работников ТО жаловался на Вяткина, обозвавшего подчинённых сугубо гражданской и оттого вдвойне обидной кличкой – «губтратомовцами». Коллеги же их «на всех почти проходивших совещаниях называли не чекистами, а недоразумением». Конкретные обвинения предъявлялись 14 февраля 1937 сотрудникам оперпункта ст. Новосибирск, занимавшимся лишь борьбой с хищениями грузов и фиксацией аварий и крушений и допустившим «провал в оперативной работе». 13 мая Миронов и Горбач посетили Транспортный отдел и остались, по словам последнего, очень недовольны: «в 12 часов ночи мы не встретили не только сотрудников, но не нашли даже и ключей от комнат... в самом аппарате, как заявил т. Миронов, неразбериха». Вяткин в ответ сокрушённо признал, что «наши 22 протокола на 30 следователей за месяц», полученные от массы арестованных, конечно же, совершенно недостаточный результат, и что транспортники «самоуспокоились после троцкистского дела» 37.

Еще большее недовольство руководства вызвало положение в Особом отделе. На партсобраниях у особистов Миронов констатировал: «...Вы своими силами оказались неспособными к вскрытию серьезных троцкистских проявлений в СибВО. /.../ Вы меньше повинны, чем мы, руководители. Беспомощным оказался [и] т. Барковский, и т. Подольский 38. /.../ Барковского я знаю по Казахстану, он там был другим, он работал в

КРО и проводил неплохие комбинации. Эта работа убила его способности». Обвинив особистов и транспортников в нацеленности на «информационную профилактику», начальник управления постановил передать дело по «троцкистскому заговору» в СибВО Секретно-политическому отделу, С.П. Попова назначить врио начальника Особого отдела, а группу особистов – «в ущерб их самолюбию» – направить стажироваться в СПО. Миронов выразил надежду, что «дней через десять каждый из вас будет вскрывать троцкистов» не хуже, чем коллеги в СПО, но предупредил: «Борьба будет напряжённой. У вас будет минимум времени на обед. А когда арестованных будет 50-100 человек, вам придётся сидеть день и ночь, забросить всё семейное, личное... Люди, которым, может быть, нервы не позволят сделать этого, здесь будут видны все». Закончил своё выступление он на мрачной ноте: «Я уверен, что у нас пара шпионов всё же имеется» и указал, что «колебания того или иного сотрудника равносильны измене» 39.

Месяц спустя новый куратор Особого отдела Гречухин на партийном собрании ругал начальника отделения П.И. Циунчика за то, что у него «не сознаются арестованные», и прямо спрашивал, сколько в течение года тот арестовал и «заставил признаться». Циунчик смог назвать только «два человека троцкистов и одного шпиона». Оперативник Л.И. Цыганов, по словам Барковского, не имел результатов в следствии, «в агентурной работе у него развал, контрреволюционного троцкистского подполья в обслуживаемом им танковом батальоне он до сих пор не вскрыл». Зато П.А. Егоров 40, «работая с трудно-поддающимися арестованными, почти от всех их добился хороших результатов» 41.

Даже опытные, набившие руку на фабрикации дел в прошлые годы, следователи не избегали обвинений в «слабой борьбе с врагами». Пришлось каяться работнику КРО А.В. Кузнецову, который пытался сообщать начальству о приписках в протоколах и других незаконных действиях. Отбиваясь от обвинений в саботаже, Кузнецов признал, что не смог добиться признаний только у одного «шпиона», но от «других арестованных я добился признания о созданных ими повстанческо-диверсионных группах на транспорте, в Бийске, в Ойротии, на Чуйском тракте. Все трое мне дали показания больше чем на 40 человек. Всё же сделал я по сравнению с другими меньше». 5 августа Миронов грозно отметил, что у «отдельных следователей проявляется неверие в проводимые дела», а Кузнецов, ранее успешно проведший «целый ряд серьёзных дел», «оказался рупором у засоренной части работников» 42.

В это время начинаются репрессии и в отношении руководящих работников УНКВД: Барковского, Данцигера, начальника Прокопьевского ГО НКВД Г.П. Корытова. Обвинённый в сокрытии эсеровского прошлого, застрелился Погодаев. Были и другие самоубийцы: работник КРО Смирнов, сотрудник МКШ Удалов, следователь СПО К.Г. Селедчиков... Селедчикова характеризовали как «неплохого работника», который в 1937 показал себя примиренцем: «смазал» одно дело, в другом не нашёл состава преступления, а третье просто бросил на стол начальнику, отказавшись его вести. Пылко разоблачавший покойного А.Н. Печенкин (замнач. КРО) не преминул сообщить попутно и такую актуальную для коллег информацию: «В нашей столовой продолжает работать террорист. В такой обстановке, товарищи, можно неприятно покушать» 43.

Были единичные случаи открытого отказа участвовать в проведении террора. Е.А. Смоленников в 1936 прекратил дело на семерых финнов, обвинённых в шпионаже особистами Сталинска. В 1937 он заявил о своём несогласии с фабрикацией дел начальнику КРО Сталинского горотдела И.Б. Почкаю и в конце апреля был арестован, а позже осуждён на 8 лет лагерей 44. В августе на общем партсобрании преступления Смоленникова перечислялись в таком порядке: «На негласную работу в аппарат НКВД он

ташил врагов народа. Ряд дел, которые он вёл, сводил на нет. /.../ Говорил, что следователи не должны требовать признания от врагов» 45.

В Кривошеинском районе Нарымского округа был «разоблачён» оперуполномоченный Н.А. Черных, «активно помогавший ссыльным с подысканием жилья и работы». Он пытался «освободить врагов народа как якобы ошибочно арестованных», а попав за решётку, знакомил заключённых с методами следствия и уговаривал их отказываться от показаний. Черных получил 15 лет, дальнейшая судьба его неизвестна...

Сменивший Барковского на посту замначальника Особого отдела капитан госбезопасности П.Ф. Коломийц, несмотря на большой чекистский стаж и, соответственно, опыт «в разоблачении врагов», осмелился рапортовать правительству 7 декабря 1937, что в «практике следственной работы УНКВД и Особого отдела СибВО, наряду с успехами в разоблачении врагов народа, извращаются директивы ЦК, имеют место преступные явления. Наличествует фабрикация протоколов допросов...», и просил «командировать сюда ответственного товарища, способного вскрыть имеющиеся извращения». Через несколько дней Коломийц за сопротивление аресту группы военнослужащих-немцев был арестован и через полгода, после пыток, осуждён на 20 лет (освобождён в 1940) 46.

В 1939 Б. Сойфер писал Сталину о своем «деле» и преступлениях руководящих работников УНКВД. Не выдержав истязаний, он выбросился из кабинета следователя, расположенного на 4-м этаже, на мостовую, чудом остался жив и оставшиеся 17 месяцев заключения провел в тюремной больнице. Там он узнал историю работника Оперчекотдела Сиблага Садовского, мобилизованного в НКВД в 1937 и отказавшегося фабриковать дела на «липовые контрреволюционные организации». В начале 1938 Садовский был уволен из органов и вскоре арестован. В августе – октябре он 105 дней держал голодовку, протестуя против избиений (после 20-суточного конвейерного допроса Садовский потерял сознание, и протокол оказался подписанным следователем, который вложил ручку в неподвижную кисть арестованного и ею «нарисовал» подпись). 25 октября 1938 за ним пришли, чтобы увести на «суд». Не имевший иллюзий относительно своей судьбы, Садовский, прощаясь, сказал Сойферу: «Меня везут к корыту стрелять, если ты останешься живым, я прошу тебя, напиши всё то, что я тебе рассказал, в ЦК ВКП(б) и наркому...» 47.

Однако приведённые примеры, скорее, были исключением. Как вспоминал работник КРО В.Д. Качуровский 48, настроение на партсобраниях, когда чекистам сообщили, что по успехам в разгроме «вражеского подполья» Новосибирская область стоит на втором месте по стране, что лично Ежов одобрил работу управления, «доходило до экстаза». По его словам, массовые аресты начались в начале августа 1937, после того как Миронов на совещании начальников горрайотделов и оперсостава управления сообщил о секретнейшем решении ЦК ВКП(б) «разгромить основные гнезда контрреволюции» 49. Соответствующий приказ НКВД СССР предписывал в рамках установленных лимитов в короткие сроки расстрелять и отправить в лагеря весь тот контингент, который учитывался чекистами как подозрительный и потому подлежал «разработке».

Первоначальный лимит на расстрел по краю – 5000 кулаков, шпионов и бандитов – был быстро и многократно превышен. Если за август местная тройка НКВД приговорила 4734 человека, в том числе 3230 – к расстрелу, то уже к 4 октября 1937 в Западно-Сибирском крае числилось 25413 арестованных (кулаков 10541, по РОВСу – 9689, уголовников – 3436, прочих – 1747 чел.), из которых на этот момент было осуждено тройкой к расстрелу 13 679 чел., в том числе кулаков – 4256, по РОВСу – 6437, уголовных – 1294, прочих – 889

и заключённых Сиблага – 803 50. Всего в период 1930-1953 на территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей и Алтайского края, входивших в состав Запсибкрая, было репрессировано по политическим обвинениям 145 тыс. человек, большая часть которых осуждена в 1937-1938.

«Белым пятном» в истории репрессий остаётся роль милиции. В мемуарах М. Шрейдера 51, бывшего начальником Новосибирской областной милиции в начале 1938, указывается, что с осени 1937 весь её состав был мобилизован на аресты «врагов народа», а начальник угрозыска Карасик участвовал в казнях. Существовала и тройка при областном управлении милиции, которая чохом приговаривала к небольшим лагерным срокам по 300 человек за раз, включая тех, кто обращался в милицию с заявлением об утере документов или просто не имел их при тогдашних постоянных проверках. Только в Новосибирске за январь – ноябрь 1937 было «изъято» почти 7000 чел. «социально-вредного и уголовно-преступного элемента», 70% которых были к началу декабря осуждены тройкой УНКВД 52. Естественно, что в 460-тысячном Новосибирске, где милиция днём и ночью хватала людей по политическим обвинениям, уголовники попадались в её дырявые сети в последнюю очередь. Гораздо проще во время облавы было арестовать ранее судимых, неработающих и прочих так называемый «социально-вредный элемент». Сводки в обком также свидетельствуют о том, что милиция в сельских районах активно выявляла «вредительство» в колхозах, МТС, элеваторах и ссыпных пунктах 53.

К тому времени аресты самих чекистов стали массовыми, особенно в системе Сиблага. Примерно в конце года исчез и формально самый высокопоставленный чекист области – комиссар госбезопасности 2 ранга К.М. Карлсон, не позднее октября 1937 прибывший с поста замнаркомвнудела УССР в предарестную ссылку на должность руководителя Томско-Асиновского лагеря. Сменившие Миронова Г. Горбач и И. Мальцев были по званию ниже Карлсона на 2-3 ступени. В конце 1937 был объявлен врагом Д. Аболмасов, хотя к 4 октября тройка НКВД осудила к расстрелу 784 жителя подведомственного ему Мариинского района. В январе 1938 арестовали начальника Нарымского окротдела С.С. Мартона, его заместителя Н.А. Сурова и начальника СПО М.Г. Галдилина 54, хотя их усилиями количество осуждённых к смертной казни в Нарыме достигло к 4 октября 1937 г. 1017 чел. Были репрессированы начальник Тюремного отдела А.А. Мануйлов, бывший замначальника СПО А.Р. Горский, помощник начальника Томского ГО К.Г. Веледерский 55, начальник особого отдела 78-й стрелковой дивизии в Томске П.А. Егоров, многие начальники райотделов и станционных оперпунктов.

19 сентября 1937 Горбач сообщал Эйхе, что в результате «очистки аппарата» и откомандирования «ряда лучших работников» в другие области в Новосибирске и на периферии образовался некомплект оперсостава в 130 человек. К тому же в ближайшее время по компрометирующим материалам подлежало увольнению еще 44 сотрудника. Начальник УНКВД просил мобилизовать 100 чел. из учебных заведений и административно-хозяйственных учреждений. Крайком выделил 75 активистов, а в остальном помог Ежов. По свидетельству Качуровского, в период так называемых массовых операций в области «работало около 50-60 курсантов из Московской школы, почти все – члены партии. Не будучи никогда ранее следователями, они в течение нескольких месяцев работали такими же темпами, как и постоянный состав. /.../ Никогда не было слышно, чтобы они где-либо поставили вопрос о неправильном ведении следствия...» 56

Следствие активно вели и неоперативные отделы, вроде Учётно-архивного; на проведение арестов и допросов привлекались работники Отдела связи... В декабре 1937 И. Мальцев, укоряя своих подчинённых за неразворотливость, утверждал, что «у нас в Сталинске и

Новосибирские шофера дают в день по 12-15 дел», и требовал тратить на оформление каждого дела не более 40 минут. С 1 декабря 1936 по 1 сентября 1937 по служебной лестнице было продвинуто 98 оперативников, к апрелю 1938 было изгнано почти 30% старых кадров и продвинуто на высшие должности 33% 57.

В течение 1938 с фальсификаторами пытался бороться и. о. прокурора войск НКВД ЗСО М.М. Ишов. Он стремился не только привлечь к ответственности наиболее рьяных палачей, но и освободить их жертвы. Бомбардируя вышестоящие инстанции докладами, пытался ставить вопрос о работе начальника УНКВД Мальцева на бюро обкома. В сентябре 1938 члены обкома отвергли его материалы о преступлениях НКВД в Томске как полученные от осуждённых «врагов народа». Все четверо начальников управлений НКВД, входивших в состав округа, просили разрешить им арестовать Ишова. Работник Особого отдела В.А. Гинкен был отправлен в командировку по стране, чтобы добиться нужных показаний от арестованного брата Ишова и бывших коллег прокурора. Показания были выбиты, и 24 сентября 1938 «странный» прокурор был арестован и доставлен в управление НКВД, где первым его ударил сам Мальцев 58...

В конце 1938 партийные организации Новосибирска и на местах, опираясь на ноябрьскую директиву ЦК ВКП(б), стали осторожно «ставить вопрос» о наказании начальников райотделов, «нарушавших законность». Тому, по-видимому, способствовала и очередная смена партийного руководства области: только что был снят преемник свирепого Р. Эйхе – И.И. Алексеев 59. Так, 8 декабря 1938 райпартсобрание в Парабельском районе Нарымского округа исключило из партии начальника РО НКВД А.К. Артюха (в его отсутствие, кстати), но не за желание судить в массовом порядке руководителей колхозов, а под предлогом, что у него один дядя – кулак, другой – арестован как враг народа, а брат осуждён за растрату 60.

Новосибирский обком ВКП(б) 27 декабря 1938 осудил ряд чекистов, имевших отношение к скандальному «детскому делу» в Ленинске-Кузнецком, где были созданы дела на подростков, преимущественно из семей репрессированных. Обком отдал под суд начальство горотдела – А.Г. Лунькова и А.И. Савкина (заодно с прокурором Р.М. Клиппом), уволил из НКВД оперуполномоченного А.И. Белоусова, а также дал строгие взыскания Пастаногову и его бывшему заместителю по СПО Е. Ф. Дымнову 61. Начальнику управления Мальцеву было указано на «совершенно неправильную» установку «о политизации дела» 62.

Но ситуацию после постановления ЦК от 17 ноября 1938 Мальцев, похоже, оценил неверно. Видимо, ему было трудно отвыкнуть от положения, когда подчас даже тройка НКВД заседала в составе единственного представителя – начальника управления. На собрании 13 декабря 1938 он заявил, что «на постановление партии надо ответить не дополнительными допросами старых арестованных, а суметь от вновь арестованных добиться признания. /.../ На 15 декабря нам предстоит закончить 100 с лишним дел на 210 человек. /.../ Когда мы приступали к разгрому врагов народа, мы показывали людей, которые хорошо работали. А сейчас начальники отделов говорят так, чтобы волки были сыты и овцы целы».

Отметив «шараханье и перестраховку» у «многих товарищей», Мальцев посетовал, что арестованные «по-своему рассматривают освобождение т. Ежова от обязанностей наркомвнудела... рассуждают: освободили, значит, тут что-то такое есть. /.../ Кто сказал, что с арестованными надо говорить шёпотом? Говорят лишь о несвойственных методах ведения следствия, и если такие случаи будут, то такие товарищи будут немедленно отдаваться под суд. Чего предосудительного в том, если следователь будет решительно

требовать от арестованного показаний? С арестованным можно сидеть с 9 и до 23 часов. А сейчас они допрашиваются в течение только двух часов».

Особенно негодовал Мальцев на то, что «многие следователи – "шляпы" самые настоящие», отчего в тюрьме «арестованные знают все новости». Назывались и конкретные источники утечки информации: «...следователь даёт арестованному читать газеты. Это преступление. /.../ У т. Черепанова, например, абажур сделан из газеты, а в ней говорится о слёте стахановцев. /.../ Теперь – ходят арестованные в уборную, где в ящиках не только бумага, а иногда и агентурные донесения, которые без разбора бросаются сотрудниками».

Сам зачастую ездивший на охоту в шумной пьяной компании наиболее близких ему Пастаногова и Шамарина, Мальцев на собрании резко обрушился на допросы нетрезвыми следователями. По его словам, в выходные дни «наша столовая превращается в кабачок. Там вы увидите почтенных работников, которые раком ходят, у них стоят батареи пива на столе и под столом» 63. Подчинённые Мальцева также критиковали работу управления, приводя подчас весьма колоритный материал.

В течение всего 1937-1938 чекисты всех подразделений УНКВД жаловались на недостаточное внимание к агентуре и плохое качество последней. В период «особых операций» были проведены массовые аресты по так называемым «выходам», т. е. по выбитым показаниям. Но правила хорошего чекистского тона требовали сопровождать каждый арест солидным агентурным обоснованием, чтобы избежать упреков во вскрытии только верхушки очередной «повстанческой организации». Старая агентура была арестована заодно с теми, на кого доносила, так как вербовалась преимущественно из «подучётного элемента», который и подлежал массовым изъятиям. Новую приобретали с трудом и формально, работали с ней бестолково.

Например, ведущее подразделение – КРО – за 1938 приобрело всего 35 сексотов, а «подучётного элемента» находилось в разработке лишь 38%. Заместитель Мальцева А. Ровинский, классифицируя негласное пополнение КРО по степени важности, установил, что из 35 завербованных лишь трое агентов, а остальные – заурядные стукачи: «спрашивается, зачем им осведомители? Им нужно иметь исключительно агентов». Седьмой отдел завербовал за год 72 осведомителя и трёх резидентов, но не имел самостоятельных разработок. Начальнику 2-го экономотдела Н.Х. Мелехину 64, где были завербованы 4 осведомителя и один агент, Ровинский указал: «Вам нужно иметь маршрутную агентуру. Ценность вашего работника будет определяться по тому, сколько он имеет маршрутников и как он с ними работает». Тот сокрушённо пожаловался на неработоспособность агентуры, на то, что в разработке находится 40% «наших учётников», а «по жёнам врагов народа мы имеем в проработке не более 5%». Также Мелехин сообщил коллегам, что часто «работники, принимающие агентуру, не могут реализовать в рапорт получаемые ими агентурные сведения», а оперативник С.М. Заяринов 65 недавно «встречал ценного агента на улице, и от этого качество агентурного материала невысокое. Есть факты срыва явок по вине оперуполномоченных... Нет ни одного факта, чтобы работник проверил агента путём направления на [его] проработку /.../ другого агента».

Впрочем, нашёлся у Мелехина и положительный эпизод, когда начальник отделения 2-го ЭКО В.С. Максимкин 66 «завербовал одну заявительницу; в результате правильного её использования вскрыта контрреволюционная группа». Такой же факт имелся и в соседнем отделении. Но вот неосторожная фраза о том, что «привычка сочинения показаний в отсутствие обвиняемых трудно изживается», вызвала резкую реплику Мальцева с

требованием внести ясность. Выкручиваясь, Мелехин ответил, что просто «хотел сказать, [что] протоколы составлялись по шаблону» и такими же шаблонами были вопросы следователей 67.

Во всех отделах не изучались на предмет надёжности новые агенты, а в формулярах, заведённых на учитываемый контингент, содержалось обычно не более 1-2 агентурных сводок, что свидетельствовало, по мнению начальства, о формальности работы оперативников.

Современный официальный источник свидетельствует, что в описываемое время в Новосибирске была вскрыта агентура японской разведки и действовала германская (о ликвидации агентуры последней сведений нет). Вплоть до начала 1938 в Новосибирске, благодаря наличию германского и японского консульств, действительно имелись условия для работы разведслужб этих стран под дипломатическим прикрытием. Для слежки за автомобилем японского консульства в 1935 за Особым отделом СибВО была закреплена отдельная легковая автомашина. В 1937 новосибирские чекисты задержали одного из сотрудников германского консульства – В. Г. Кремера (по кличке «Спортсмен») и, прежде чем выслать, добились от него показаний о связи ряда руководящих работников области с немецкой разведкой.

В декабре 1937 секретарь обкома И. Алексеев сообщал Сталину и Ежову, что германский консул Г. Гросскопф якобы создал на территории области подпольную фашистскую организацию (1644 арестованных!) и попутно руководил работой 42 резидентур немецкой разведки. Японское консульство (упразднённое заодно с немецким через месяц) якобы создало 13 «вскрытых» чекистами резидентур, руководивших 123 диверсионными группами, в которые записали бывших работников КВЖД 68.

Вряд ли за этими внушительными цифрами стояло сколько-нибудь реальное содержание. О слабости наружного наблюдения за немецкими дипломатами в феврале 1938 говорили сами чекисты, сетуя на то, что «разведывательный аппарат почти весь расконспирирован». В результате секретарь германского консульства «некий "К" /.../ буквально знал каждого разведчика, ходил мимо них, снимал головной убор и кланялся, приговаривая, что "можете сегодня за мной не ходить, т. к. я идти сегодня никуда не намерен"» 69. По всей вероятности, иностранная разведка имела подробные сведения о гигантских заводах по производству снарядов и истребителей в Новосибирске, порохов и отравляющих веществ – в Кемерове.

В начале ноября 1938 в Новосибирск – снимать с должности первого секретаря обкома И.И. Алексеева – прибыл член ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов. Хотя начальство и запретило чекистам упоминать в разговоре с ним о «несвойственных методах следствия», судьба и Алексеева, и Мальцева была уже решена. Провал следствия по делу М. Ишова, которого не удалось сломать ни в Новосибирске, ни в Москве, также, по-видимому, способствовал аресту Мальцева, последовавшему в конце января 1939. Однако заместитель Мальцева – Ровинский и все остальные руководители УНКВД остались на местах. Они всемерно тормозили работу прокуратуры области, начавшей массовую проверку следственных дел. Замечая следы, Ровинский изъясил из Облсуда ещё не рассмотренные там 56 дел, которые были в УНКВД либо прекращены совсем, либо с политических статей переквалифицированы на другие 70.

Весной 1939 Ровинского откомандировали в систему Дальлага, ещё раньше туда отправили начальника Томского горотдела Овчинникова. В феврале-мае прошли массовые увольнения чекистов из органов. Из начальников отделов были изгнаны (часто с

исключением из партии) Пастаногов, Дымнов, Баталин, начальник отдела кадров Н.С. Кравчинский 71, особоуполномоченный М.А. Иванов. Узнав о возбуждении против него уголовного дела, застрелился Мелехин. Распрошались с органами начальники отделений КРО Качуровский и А.В. Малозовский, бывший парторг Н. Терентьев 72, один из руководителей СПО М.И. Носов, начальник КРО в Томске А.А. Романов, начальник Тегульдетского РО НКВД Н.Т. Большаков 73 и немало других. Позже Пастаногов, Овчинников и Романов были осуждены. Были арестованы также: работник КРО УНКВД П.Т. Трубецкой, начальник Парабельского РО Артюх, Туганского РО – Я.Ф. Адуев, Коченевского – Салов, начальник Асиновского РОМ – С.И. Софроненко. В это же время (или несколькими месяцами ранее) были осуждены начальники городских и районных отделов НКВД И.А. Попов (Александровское), С.И. Мельников 74 (Мошково), Лихачевский (Куйбышев).

Под судом оказалось и немалое количество других начальников и оперуполномоченных, впрочем, получивших зачастую вполне умеренные сроки. В самом конце 1939 дошла очередь и до замначальника Особого отдела СибВО В.Т. Егорова 75.

В начале февраля 1939 областное управление НКВД возглавили бывшие партийные работники Г.И. Кудрявцев и Ф.М. Медведев 76. Особый отдел возглавил майор ГБ А. П. Можин, СПО – И. Почкай, Отдел кадров – А. С. Киселёв, Водный отдел – А. Д. Белкин, 1-й спецотдел (бывший Учётно-архивный) – В. С. Судаков, Транспортный – В. Е. Киселевич 77. И только Отдел контрразведки остался за его прежним начальником Ф. Н. Ивановым 78.

Новое начальство не особенно долго занималось очисткой кадров от «наиболее скомпрометировавших себя работников». Да и их старались увольнять не за фальсификацию дел, а за пьянство (А. Баталин, В. Егоров), «зажим критики» (А. Малозовский) и т. п. Например, 5 мая 1939 обком утвердил решение УНКВД о переводе в запас одного из крупных томских чекистов Г. И. Горбенко 79. Поводом послужил донос о наличии у его жены (на беду, дочери священника) арестованного двоюродного брата, а также встреча нового 1938 года, где Горбенко «танцевал и гулял с агентом "Фиалка", чем способствовал расконспирации агентуры» 80.

В аппарате Сиблага появились бывшие крупные работники НКВД, переведённые туда из других регионов «на исправление». Отдел кадров Сиблага возглавил бывший начальник СПО НКВД Татарии (и будущий глава КГБ Латвии) Я. Я. Веверс 81, Оперативно-чекистский отдел – крупный украинский чекист Е. Г. Сквирский, управление Томасинлага – бывший начальник Таганрогского ГО НКВД Ф. И. Автономов, по иронии судьбы занимавший пост начальника СПО в Татарии до Веверса... В систему лагерей были переправлены и многие сибиряки: работник КРО УНКВД О. Ю. Эденберг 82 оказался на заурядной должности в колонии «Чекист», начальник Правобережного РО НКВД в Кемерове И. Т. Ягодкин дорос к началу войны до начальника Тайгинского отделения УИТЛК, начальнику Чистоозерного РО М. Ф. Матросову доверили руководство тюрьмой в г. Барабинске.

Новый начальник УНКВД Кудрявцев хоть и не был кадровым чекистом, но быстро сыскную науку усвоил и всё так же требовал от подчинённых «вскрывать остатки недобитого правотроцкистского подполья». Попутно он старался, чтобы настырная прокуратура во главе с А.В. Захаровым поменьше занималась делами 1937-1938. Туда за 1939 поступили 31473 жалобы от осуждённых «тройкой» и Особым совещанием при НКВД СССР. Чекисты просто не высылали в Отдел по спецделам запрашиваемые материалы, а к январю 1940 якобы не могли отыскать дел на более чем 400 осуждённых.

За 1939 прокуратура опротестовала решения «троек» и ОСО по 179 делам, а 771 дело направила на доследование. Несмотря на установленный Берией 10-дневный срок для рассмотрения подобных дел, они лежали у чекистов без движения месяцами.

За 1939 прокуратура области дала санкцию на арест по 58-й статье в отношении 126 человек (из них 81 был арестован на территории современной Томской области, до 1944 входившей в состав Новосибирской), в том числе в первом квартале было арестовано 9 человек. Подавляющее большинство дел 1939 касалось обвинений в антисоветской агитации (на 105 чел.). Та же тенденция сохранилась в 1940: за первые пять месяцев было дано 75 санкций, в том числе 63 – по ст. 58 п. 10. За это же время было опротестовано 402 дела, а 850 – отправлено на проверку в УНКВД. Но и количество дел, которые чекисты «не могли отыскать» в своём архиве, стремительно росло: к маю 1940 их было уже 815. Из 225 запросов, направленных в УНКВД в начале года, к маю в прокуратуре были получены лишь несколько ответов. В горотделах Томска и Кемерова (их возглавляли Я.А. Пасынков и В.Г. Трындин 83) не были доследованы даже те дела, «где были специальные предложения прокурора СССР по заданиям ЦК ВКП(б)». Приводя в докладе секретарю обкома Г.Н. Пуговкину многочисленные факты фабрикации дел, по которым были расстреляны по 40-70 человек, прокурор Захаров просил поставить в обкоме вопрос «хотя бы о партийной ответственности лиц, создавших эти возмутительные дела» 84.

В упреждение возможных мер обкома у Кудрявцева были предусмотрены встречные ходы: либо временно перевести следователя на нижестоящую должность (как А. Шамарина), либо откомандировать его в другой регион. Так убыл на Западную Украину начальник Колыванского РО И.В. Захаров, а начальник отделения ДТО Л.А. Малинин 85 уехал в Киев, на пост начальника ДТО НКВД Юго-Западной железной дороги (три года спустя он с триумфом вернется в Новосибирск, став очередным руководителем областного УНКВД).

За 1939-1940 аппарат управления капитально обновился и заметно вырос по численности. К исходу 1939 в аппарате УНКВД, семи городских и 66 районных отделах работали 513 оперработников, в том числе 281 коммунист, 149 кандидатов ВКП(б), 78 комсомольцев и 5 беспартийных. Через год оперсостав за счет организации четырёх новых городских и районных отделов вырос до 524 чел., из которых членами ВКП(б) были 365, кандидатами – 121, комсомольцами – 35, беспартийными – 3 чел. Вырос за этот год и образовательный уровень. Количество чекистов с высшим и незаконченным высшим образованием увеличилось с 19 до 38, средним – со 115 до 146, незаконченным средним – с 30 до 140, начальным – уменьшилось с 349 до 200 (не исключено, что за счёт весьма формального их «перетягивания» в число имевших незаконченное среднее образование). К исходу 1940 только 51 оперработник имел за плечами бывшую Центральную школу ОГПУ, 2-ю Ленинградскую и Центральную транспортную. Выпускников Новосибирской МКШ ГУГБ НКВД насчитывалось 71, остальные могли похвастаться только курсами подготовки и переподготовки оперсостава при УНКВД НСО (152 чел.), а также 100-часовой программой чекистской учёбы и 17-дневными семинарами при УНКВД (212 чел.). Еще 38 оперативников никакой специальной подготовки не имели.

Из 524 чел. – 366 были в возрасте 25-35 лет, а 66 – моложе 25 лет. Только 181 из них имел стаж работы в НКВД свыше 6 лет. От 3 до 6 лет стажа было у 111 чел., менее 3 лет – у 232 чел. 17 сотрудников были орденосцами, семеро – имели очень ценившийся в их среде знак почётного чекиста. Оперсостав управления насчитывал порядка 250 чел. (остальные работали на периферии), сосредоточенных преимущественно в Особом отделе (56), СПО (30), КРО (21), 1-м ЭКО (17), 2-м ЭКО (9), 3-м ЭКО (17) и следственной части (17).

Транспортный отдел имел собственную парторганизацию из 39 коммунистов, в МКШ работало 43 чел. Негласный оперсостав, занимавшийся наружной разведкой и контролем переписки, насчитывал 85 человек 86 и вместе с работниками МКШ не входил в объявленную цифру в 524 чел. (так же, как и транспортники). Оперативные поручения выполнялись и, казалось бы, чисто техническими службами: сообразительности шифровального отделения (насчитывало 7 коммунистов и в переписке именовалось без названия, под седьмым номером) в 1941 включали такие пункты, как недопущение «срыва явок с агентурой без уважительных причин» и обещание за май 1941 «закрывать осведомлением не менее трёх объектов» 87.

В течение 1939 сбавившая было обороты репрессивная машина постепенно разгонялась, хотя низкий уровень профподготовки объективно мешал палаческим функциям. Бывали сбои даже в таких «выигрышных» делах, как августовское расследование факта «подачи вместо боржома уксусной эссенции 3-му секретарю обкома тов. Аксенову», отчего тот «получил легкие ожоги во рту» – злого умысла в ошибке повара чекисты не усмотрели. Качуровский, жалуясь обкому на «политику недоверия к старым кадрам» со стороны помощника начальника УНКВД Ф. Медведева, писал о растерянности следователей в связи с массовым отказом арестованных от прежних показаний; о том, что сотрудники «для самозабвения потянулись к водке, к обсуждению всяких и всяческих вопросов». В сентябре 1939 циркуляр НКВД СССР отмечал очень низкое качество сводок по экономическим вопросам, поступавших из регионов (в том числе из Новосибирска и Барнаула). В этих записках не было аналитических выводов, а сообщаемая информация зачастую основывалась на «непроверенных донесениях малоквалифицированной агентуры» 88.

Определённое оживление деятельности чекистов началось с «обслуживанием выборной кампании» декабря 1939. 26 декабря Ф. Медведев и И. Почкай сообщали в обком об аресте в Новосибирске четырёх монахинь из «контрреволюционной церковно-монархической организации», якобы собиравшихся организованно выступить против выборов. В с. Тогучин на вокзале один из жителей собрал вокруг себя толпу, призывая «не голосовать за Советскую власть», в с. Киселевке Куйбышевского района колхозник Мельников «нецензурно ругался, указывая на портрет тов. Сталина и высказывал террористические намерения». В Барабинске на телеграфном столбе была обнаружена листовка «с призывом голосовать за "идеи" Троцкого и Бухарина», в ряде избирательных участков изъяты бюллетени с «надписями контрреволюционного содержания», а в Новосибирске в одной из кабин для голосования было обнаружено письмо «с гнусной клеветой на тов. Сталина» 89.

Выполняя указание Берии, который в письме от 26 октября 1939, отосланном после доклада начальника УНКВД, распорядился мобилизовать новосибирцев «по-большевистски организовать борьбу по разгрому контрреволюционных формирований» в области, чекисты особенно постарались. Среди наиболее крупных дел 1940 они числили «троцкистскую группу» (агентурное название «Блуждающие»), «вскрытую» аппаратом СПО, «повстанческие организации» в Нарыме («Часовники»), Чаинском районе («Интервенты») и Кемерове («Ветер»). В Сталинске была ликвидирована «эсеро-сектантская организация "Паутина"», а в Томске – «эсеровская группа "Пчеловоды"» и сектантская, проходившая у чекистов под названием «Богословцы». За эти и другие дела среди лучших в управлении были названы начальник СПО И. Почкай, начальник следственной части УНКВД Б.В. Панчурин, руководство Сталинского ГО НКВД: С.И. Плещов, Л.К. Соловьев, начальник Нарымского окротдела Н.А. Ульянов 90 и несколько руководителей райотделов. В резерве на выдвижение значилось 47 оперативников, из которых шестеро представляли особенно отличившийся Сталинский горотдел, а 18 –

аппарат областного УНКВД. Десять самых отстающих были переведены на неоперативную работу, в том числе 4 начальника райотделов 91. Деятельность же подавляющего большинства чекистов руководство УНКВД вполне устраивала.

Но многие дела, которые велись в это время, были настолько грубо слеплены, что не устраивали даже коллег-передовиков. Старший следователь следственной части М.Р. Собачевский (бывший на хорошем счету у начальства, парторг отдела) и замнач следчасти П.С. Кошелев возмутились приёмами следователя И.М. Трифонова 92. Тот не начинал вести протокол допроса, пока арестованный не даст признательных показаний; вымогал показания угрозами сгноить в тюрьме и уничтожить семью. Собачевский пожаловался на беззаконие своему начальнику Панчурину. Тот резко заявил Собачевскому, что сам отдал распоряжение не вести протоколов допросов «по оперативным соображениям». От следователя С.П. Карпова 93 парторг узнал, что Панчурин в присутствии двух своих подчинённых дал приказ внутрикамерному агенту избить арестованного за отказ давать показания. Такое использование камерной агентуры было весьма распространено.

Панчурин посадил в карцер заключённого за отказ того рассказать агенту «о наличии антисоветской организации». Собачевский упоминал и попытку самоубийства одного из арестованных после избиения на допросе. Парторг УНКВД А.П. Зотов и начальник управления Кудрявцев никаких мер по заявлению Собачевского принимать не собирались, и в конце января 1941 тот обратился в обком. Через полтора месяца секретарь по кадрам В. Бабич доложил «первому», что «некоторые факты подтвердились» и Панчурин снят с должности 94.

Ряд сигналов о методах следствия дошел до Москвы. В апреле 1941 Кудрявцева и Медведева сняли с работы, их заменили М.Ф. Ковшук-Бекман и Г.П. Кудинов 95. 21-22 апреля на собрании коммунистов УНКВД Почкай туманно признавал: «мы констатировали события, которые нас опережали, и на эти события заводили дела». П. Кошелев был более откровенен: «Надо было покрасоваться с вскрытием контрреволюционной организации на [весь] Советский Союз... и Кудрявцеву за это дело попало как следует». По словам Кошелева, «недоброкачественная работа» СПО, КРО, 1-го и 3-го ЭКО привела к провалу ряда дел. Чекисты жаловались, что в одном из экономотделов пришлось освободить около 20 арестованных – половину от числящихся за ним, в других – многим заключённым следователи смогли «в лучшем случае что-либо наскрести» по ст. 58-10, «а в худшем» – их пришлось освободить. Начальство изо всех сил пыталось помешать расследованию фальсификаций, вплоть до заявлений о том, что разбирательство следственных беззаконий на партбюро есть «разглашение государственной тайны» 96.

Смена руководства УНКВД привела к некоторым кадровым перестановкам. По материалам Особой инспекции Наркомата был арестован начальник КРО Ф.Н. Иванов, которого сменил Л.К. Соловьев; на пост заместителя начальника УНКГБ был назначен С. Плещов. Но следователи и руководители отделов, непосредственные участники фальсификаций, чья вина была установлена, не получили сколько-нибудь ощутимых взысканий: Панчурин, уволенный было из органов, вернулся в «систему» сразу после отбытия 30-суточного ареста; начальник 3-го ЭКО П.П. Плотников был переведён на руководство Нарымским окротделом; его заместитель Д.И. Денисенко стал замначальника Кемеровского горотдела; начальник отделения в КРО В.М. Ломов стал замначальника отделения; С.В. Патракеев с руководства 2-м отделением КРО через несколько месяцев, напротив, перешёл на должность замначальника КРО. Впоследствии отмечались как «передовики» оперативники СПО и КРО К.И. Исаков и А.Т. Алексеев.

По-прежнему руководство УНКВД 97 было озабочено неистребимым пьянством работников всех уровней. Так, секретарю Особого отдела Н.А. Маракушеву было указано на недостойное поведение после того, как он в нетрезвом виде свалился в угольную яму и сломал ногу, а начальник отделения С.И. Бураков был уволен за систематическое пьянство и прогул. Оперативники-особисты Ю.И. Бенн и В.И. Ерохин получили выговоры: первый – за пьянство в служебной командировке и утерю пистолета, второй – за избиение жены и ребёнка. Начальник внутренней тюрьмы Г.И. Ершов, награждённый в 1937 за усердие при массовых расстрелах орденом «Знак Почёта», весной 1940 письменно обещал жене (и партбюро) больше не пить и не скандалить. Осенью того же года оперативник СПО П.П. Бровин спьяну ранил себя из табельного оружия, а начальник 1-го ЭКО И.М. Киреев 98 был изгнан ненадолго из органов за пьяный дебош на курорте. Случались казусы и иного рода: секретарь парткома УНКВД и депутат горсовета А.П. Зотов был изобличён как расхититель 99...

В 1940 чекисты «выявили» группу студентов Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта, возмущавшихся введением платы за обучение в вузах, «высказывавших симпатии к анархизму», критиковавших армейские порядки и войну с Финляндией: было арестовано семеро юношей.

Тогда же в УНКВД сфабриковали дело о поджоге строящейся трикотажной фабрики в Новосибирске (30 мая 1940; ущерб от пожара составил 700 тыс. руб.). 23 декабря 1940 по обвинению в организации поджога Военным трибуналом СибВО был приговорён к расстрелу «агент атамана Г. Семенова» С.Т. Паршин (реабилитирован в 1994). В посланном в Наркомат отчёте о работе управления в 1940 японской разведке приписывалось создание в области «разветвлённых повстанческо-диверсионных формирований из кулацкого, белогвардейского и прочего антисоветского элемента». Что касается немецкой разведки, то её деятельность якобы протекала «по линии широкого проведения германофильской пропаганды /.../ и внедрения среди населения симпатий к фашистской Германии. Как устанавливается агентурой, германская разведка сохранила на территории области кадры своей старой законспирированной агентуры из числа бывших служащих различных торговых германских фирм в бывшей царской России и связей германского консульства...» 100.

Весной 1941 во многих районах области от голода, вызванного неурожаем и грабительскими хлебозаготовками, люди умирали десятками. За первые три месяца года за антисоветскую агитацию в связи с массовым недоеданием в Чановском районе было арестовано 6 человек. По сообщению начальника Убинского РО НКВД А.М. Пугачева, 101 колхозник А. Петухов в «провокационных целях о якобы создавшемся голоде с отвальной ямы принёс в свою квартиру падаль от павшей коровы. Фактически же это является провокацией со стороны Петухова, так как он хлебом обеспечивается более лучше, чем остальные...» Пугачев просил обком дать санкцию на арест троих «провокаторов». Своим чередом шло и создание новых групповых дел, вроде раскрытой в Купинском районе «контрреволюционной группы» 102...

Начальники райотделов посылали в управление списки лиц, находившихся в агентурной разработке, – в виде отчета о проделанной работе. Отвечая на запрос М. Ковшука-Бекмана, начальник Доволенского межрайонного отделения НКГБ (курировало Доволенский, Здвинский и Кочковский районы) Г.К. Попов 103 представил список 66 руководителей сельского хозяйства с указанием конкретных компрометирующих материалов, полученных в основном от 73 сексотов, агентов и резидентов, а также путём перлюстрации переписки, сбора анонимок и открытых доносов. К примеру, агентурные сообщения «Котова» и «Кларнета» в отношении заведующего Доволенской райбольницей

А.И. Каца гласили: «Высказывает диверсионные настроения по уничтожению колхозного скота. Подозрителен в умышленном распространении заразных болезней среди населения». На одного из председателей колхоза были собраны доносы сразу от пяти информаторов 104, что свидетельствовало о плотности осведомительной сети, ориентированной на сбор данных о вредительстве. В период посадочной и уборочной кампаний чекисты из «подучётного элемента» фабриковали групповые – самые, с точки зрения руководства, выигрышные – дела на «вредительские» организации, а при наличии «качественного» материала – и на повстанческие.

Начало войны повлекло за собой новую волну арестов. Имеющаяся статистика по территории нынешней Томской области даёт следующую их динамику: 1940 – 168 чел. (осуждено 113), 1941 – 427 (осуждено 225), 1942 – 507 (осуждено 421), 1943 – 331 (осуждено 425), 1944 – 237 (осуждено 279), 1945 – 221 (осуждено 191), 1946 – 221 (осуждено 216), 1947 – 95 (осуждено 122). Расстреляно политзаключенных: в 1941 – 38, в 1942 – 40, в 1943 – 2 105.

Уже 13 июля 1941 С. Плещов сообщал обкому о вскрытии «двух диверсионных групп, готовивших взрывы на Кемеровском пороховом комбинате N392», а также группы, «собиравшейся взрывать шахты и поджигать хлеб в колхозах»... Десятками арестовывали не только в Кузбассе, хотя этот важнейший стратегический регион оставался под особым надзором. В списке уничтоженных спецсообщений НКВД, отправленных в обком, значатся и информации М. Ковшука-Бекмана от 21 августа – «О вскрытии диверсионной группы на комбинате N392» и от 22 августа – «О вскрытии антисоветско-террористической молодежной группы в г. Прокопьевске» 106. Тогда же были арестованы руководители строительства комбината N179 по производству боеприпасов в Новосибирске во главе с начальником строительства С.К. Полухиным: из восьми человек четверо были расстреляны. За «антисоветскую агитацию и намерение изменить родине» в августе 1942 был казнён начальник отделения дезинфекции Облздравотдела Л.М. Сырнев, а проходившие с ним по одному делу преподаватель Новосибирского мединститута С.Д. Зацепин и завсектором Облплана А.М. Рукавицын осуждены на 10 и 8 лет лагерей.

Осенью 1941 зоотехник облсвиноводтреста В.М. Привалихин получил 8 лет за «антисоветскую агитацию и допущение падежа свиней». Такой же срок за «агитацию» достался в апреле 1942 начальнику планового сектора Главмясокомбината С.А. Меньшенину... «Десятый пункт» 58-й статьи надёжно выручал следователей, но подчас даже для такого верного обвинения не доставало улик, и, например, в сентябре 1941 чекисты сами изготовили «письмо контрреволюционного содержания», подбросив его малограмотной работнице главпочтамта Е.Ф. Малининой, отсидевшей за это восемь лет, а затем отправленной в ссылку. Был найден и враг в собственных рядах: комендант Транспортного отдела НКВД Томской железной дороги В.Е. Сабо, отправленный в лагерь за «пораженческие настроения и восхваление немцев как людей высокой культуры». В период реабилитации все выжившие репрессированные жаловались на пытки и психологический шантаж 107.

Война колоссально изменила состав УНКВД НСО. С 1 августа по 20 октября 1941 через партийно-комсомольские организации было принято на оперативную работу 59 человек, переведено с неоперативных должностей – 56, прибыло из других областей (Ростовской, Тамбовской, Тульской, Воронежской, из Москвы, Латвии, Белоруссии, Украины) – 69. В конце октября, несмотря на призыв в армию 32 оперативников, некомплект оперсостава (включая милицию) был довольно умеренным – 61 чел. (вдвое меньше, чем в начале августа). За этот же период резко выросли штаты Особого отдела СибВО, который получил 64 оперативника из УНКВД, а еще 200 человек – из так называемого «резерва

пополнения». Также ряды особистов пополнили 32 чекиста запаса, среди которых, надо полагать, преобладали уволенные после 1938 отъявленные палачи. Увеличился и штат негласных работников – на 24 человека 108. Часть осуждённых в 1939-1940 чекистов (А. Луньков, К. Пастаногов и др.) была амнистирована и направлена во фронтовые особые отделы.

В феврале 1942 новый начальник СПО капитан госбезопасности Д.К. Вишневский констатировал: «Глубокого вскрытия корня контрреволюционного ядра нет, сшибаем только верхушки». Ему вторил партком, принявший специальное решение по работе СПО: «Разработка антисоветского элемента проходит поверхностно, шаблонно и старыми методами /.../ [мало] приобретает квалифицированной агентуры, способной вскрывать глубокое контрреволюционное подполье», отчего «до сего времени вскрываются только отдельные антисоветские группы и одиночки-антисоветчики».

Парторг 1-го отделения СПО А.Ф. Рычков распекал своих коллег И.П. Губанищева и Волоцкого – первый не имел агентуры и вербовок, вдобавок «пошёл на конспиративную квартиру в форме, чего делать ни в коем случае нельзя», второй, имея «объект очень серьёзный – троцкистов», не работал с агентурой и, хоть и был замначальника отделения, «не провёл ни одного дела». За равнодушие к агентурной работе критиковались и другие оперативники. Вместе с тем отмечалось и наличие за отделом арестованных, на которых «прокурор разобрал следственные дела, а люди ещё сидят». Но были и передовики: В.М. Кондратьев, В.В. Астахов, В.К. Лушпей, В.М. Вольнов и другие, которые «пополнили агентурно-осведомительную сеть, активизировали разработку антисоветского элемента, увеличили репрессии к враждебному элементу» 109.

В годы войны КРО, насчитывавший 60 человек, и Следственный отдел (около 20 человек) были, наряду с бывшим Особым отделом, который весной 1943 получил название СМЕРШ, ведущими репрессивными подразделениями. Следующий начальник СПО, С.И. Дрибинский (вскоре потом возглавивший Следственный отдел) 23 января 1943 вновь сетовал на «недостаточно глубокое проникновение во вражеский лагерь», но вместе с тем удовлетворённо отмечал отсутствие «активных проявлений» в области – ибо по готовившимся диверсиям и восстаниям был нанесен «своевременный удар».

В марте 1944 один из отличников Следственного отдела В.И. Тулупов в доказательство успешной деятельности своих коллег против «недобитых остатков право-троцкистской банды, а также прямых агентов противника, засылаемых в наш тыл», приводил признание арестованными своей вины «в среднем на 60-70%». Старший следователь А.И. Шойдин, например, «разоблачил диверсанта, антисоветскую молодежную группу, ряд одиночек-антисоветчиков», начальник отделения М.А. Вецнер «разоблачил три группы террористов», провёл «ряд дел по шпионажу», следователи Н.А. Панов и Н.Д. Чернов «закончили ряд дел на антисоветские группы». Но начальник отдела Дрибинский был недоволен. Отсутствие 100% признаний арестованных он расценивал как «брак в работе» и указывал на «недооценку ряда дел из-за потери бдительности некоторыми сотрудниками», а также сетовал на низкую культуру и «невнимательность» следователей 111.

Незадолго до того партбюро разбирало дело «прекрасного оперативника» Д. Ерёмину, укравшего у своего подследственного, главного инженера одного из оборонных заводов, Дроботова, дорогие часы, авторучку и портсигар. Ерёмину не удалось подвести Дроботова под расстрельную статью, инженера передали другому следователю, после чего факт воровства обнаружился. Выяснилось также, что Ерёмин хранил у себя конфискованный патефон, был замечен в мелких кражах у сослуживцев и даже стащил из стола начальника

бумагу особого качества. Он отделался выговором, а В. Тулупов заявил: «Признаюсь, что факты, когда вещи арестованных хранились у следователей, мне известны, но это происходило без санкции на то начальника». Это происходило в декабре 1943, а через несколько недель Ерёмина снова разбирали на партбюро – на этот раз за избивание заключённого. Оправдывался он так: «Я допрашивал арестованного. Его антисоветские высказывания возбудили меня и вынудили ударить его». Дрибинский, сказав, что и раньше Ерёмин занимался рукоприкладством, предложил исключить его из партии, но оказался в меньшинстве. Ерёмин лишился только поста парторга отдела 111 и впоследствии не раз поощрялся за высокие оперативные показатели.

Другое отношение у начальства было к «неуспевающим» работникам. В марте 1944 был «сурово наказан» начальник Туганского РО НКГБ В. И. Аникин, который за 5 месяцев «не провёл ни одного серьёзного дела и /.../ пытался ввести в заблуждение руководство управления», оперируя в феврале 1944 данными за октябрь 1943. Критиковалась деятельность и других райотделов, а также подразделений УНКГБ, занимавшихся оперативной статистикой, цензурой писем и телеграмм, наружным наблюдением. Похвалы удостоилось руководимое Н.И. Дешиным 112 отделение КРО «за большую работу по руководству периферийными органами УНКГБ» 113.

В архиве парторганизации УНКВД-УКГБ сохранились и материалы, касающиеся деятельности небольшого (около 10 человек) подразделения контрразведки СМЕРШ, «обслуживавшего» войска НКВД Новосибирской области. Постоянно повторяя свою излюбленную мысль о «засоренности войск НКВД политически сомнительным элементом», чекисты тщательно просеивали пополнение, прибывшее с оккупированных территорий. Начальник отдела майор А.П. Борисов зачастую отмечал незнание офицерами следственной работы. Старшие офицеры почти не появлялись в войсках и не помогали ещё более неумелым оперативникам, работавшим в частях.

В самом же СМЕРШе даже в 1947 оперативная учёба не велась, методы иностранной разведки не изучались, зато на высоте стояла политическая подготовка, изучение книг Сталина. Вместе с тем по пьянству оперсостава СМЕРШ не уступал другим подразделениям: на бюро разбирались только самые вопиющие дела, вроде драк со стрельбой или утери в нетрезвом виде партбилета. Это, впрочем, не особенно мешало «смершевцам» продвигаться по служебной лестнице, повышаться в звании и получать медали «За боевые заслуги», а то и ордена.

В конце войны СМЕРШ был переориентирован на борьбу с коррупцией в милиции и прокуратуре, разоблачив немало должностных лиц, связанных с преступным миром. Конечно, продолжали следить и за политической благонадежностью подразделений УМВД: например, обнаружили в Отделе пожарной охраны сразу двух антисоветчиков. Один офицер «позволил себе распространять гнусные измышления» по адресу «руководителей советского государства», другой – к ужасу чекистов, парторг подразделения в Управлении пожарной охраны – «сочинил анонимный пасквиль против одного из руководителей нашего советского государства» 114.

Руководство УНКВД-УНКГБ не раз было отмечено правительственными наградами за умелое использование труда заключённых на строительстве оборонных предприятий. Огромная смертность узников волновала начальство лишь постольку, поскольку отражалась на выполнении плана. С 20 декабря 1942 по 1 марта 1943 количество заключённых УИТЛК Новосибирской области сократилось с 53392 до 47502, а в марте погибло еще 1253 человека (2,6% численности) – преимущественно от пеллагры. В этот же период из-за ухудшения снабжения прогрессировала смертность заключённых Сиблага

– сельскохозяйственного лагеря на территории нынешней Кемеровской области, выделенного из УИТЛК НСО в 1942 (за это в апреле 1943 его начальник Филимонов даже получил строгий выговор с предупреждением).

В 1944 в Новосибирске был образован крупный лагерь N199, в котором содержалось в среднем 15 тысяч военнопленных немцев. За четыре года его существования в нём умерло более 2900 человек, в том числе 2127 – в первую зиму – с ноября 1944 по май 1945 115. Начальник лагеря Я.А. Пасынков за «успешную организацию антифашистской работы» среди немцев в июне 1945 получил орден Красной Звезды, одновременно с ним такие же награды получили начальник 2-го лаготделения Н.М. Плотников и начальник 5-го лаготделения А.И. Старостин – оба лейтенанты госбезопасности. Особенно жестоким режимом на весь Гулаг прославился Искитимский штрафной лагерь, известный в 1940-е как ОЛП-4.

Послевоенное время не принесло облегчения лагерного режима. Летом 1946 за «либеральное отношение» к политзаключённым было снято руководство УИТЛК, причем его начальник майор госбезопасности М.А. Моргунов, успевший получить два ордена «за успешное выполнение заданий правительства по производству боеприпасов», был лишён обкомом права занимать ответственные должности. Начальнику Новосибирского отделения УИТЛК И.Л. Шварцу, помимо служебных злоупотреблений, инкриминировалось разрешение 56 свиданий так называемым «каэрам». Возглавлявший в 1943-1950 УНКВД-УМВД области генерал-майор Ф.П. Петровский 31 июля 1946 сообщал подчинённым о снятии Моргунова, начальника политотдела УИТЛК Великанова, начальников 1-го и Кривошековского ОЛП за отсутствие изоляции политзаключённых от остальных (якобы «каэры» использовали это «во враждебных целях»). По словам Петровского, он «вчера на бюро обкома приводил пример, когда из среды заключённых были вскрыты контрреволюционные и террористические группирования» 116.

За годы войны численность гебистов заметно выросла, причем окончание военных действий только стимулировало рост штатов. Если в 1945 в УНКГБ насчитывалось 270 коммунистов, то к маю 1946 штат управления состоял из 320, а к марту 1947 – из 440 коммунистов. Почти четыре пятых всего состава имели партийный стаж менее 5 лет 117. За период с 1941 по 1946 число партийцев с высшим и средним образованием увеличилось ненамного, зато почти вдвое стало меньше тех, кто имел начальное. Аппарат УНКГБ (не считая многих десятков оперативников в системе лагерей, тюрем и спецпоселений УНКВД) одной Новосибирской области к началу 1947 был примерно равен аппарату УНКВД Запсибкрая десятью годами ранее, хотя с тех пор из него выделились два областных и одно краевое управление.

Некоторое повышение образовательного уровня никак не повлияло на удручающе низкий моральный уровень чекистов. Сменивший Л. Малинина П.П. Кондаков 118 в мае 1946, выслушав традиционные жалобы на пьянство и дебоширство, усиленные на этот раз фактами детского хулиганства, подытожил: «Проходя мимо стоквартирного дома [самое большое тогда здание Новосибирска – А. Т.], можно получить камень в затылок или палками быть сбитым с ног. На зданиях наших домов пишутся фашистские знаки, малыши – мальчишки и девочки – ругаются матом. А ведь в этом доме живёт в основном наш личный состав, живут коммунисты /.../ Плохо, когда дети пойдут не по той дороге /.../ не будут брать хороших примеров с отцов, которые являются неплохими работниками» 119.

Беспокоило Кондакова распространявшееся среди его подчинённых «мнение, что за годы Отечественной войны в области не было существенных происшествий, угрожающих

обеспечению государственной безопасности, отсюда вывод – значит, всё в порядке. Это, товарищи, неправильно, это вредно...» О том же тревожился в ноябре 1945 член парткома УНКГБ, полковник С.И. Тимофеев, приводя соображения иных сотрудников: раз враг повержен, то заброшенная им в тыл агентура «оказалась беспочвенной /.../ и, дескать [ей] не имеет смысла производить какие-либо диверсионные акты», а раз так, то «теперь органы НКГБ [могут] и отдохнуть». Отвергнув такую точку зрения как «жестокое заблуждение», Тимофеев призвал «выявить все потуги вражеских элементов помешать этой [1946 г. – А. Т.] избирательной кампании, навредить на промышленных предприятиях, в учреждениях, в сельском хозяйстве...» Чуть раньше И. Почкай обрушился на КРО за то, что этот отдел, имея «серьёзные сигналы о наличии лиц, подозрительных в саботажной, подрывной деятельности» на ряде оборонных заводов, не обнаружил достаточных «способностей, умения /.../ чтобы эти сигналы быстро реализовать /.../ и при подтверждении своевременно эти саботажные элементы ликвидировать»...

В то же время начальник Чулымского РО НКГБ В.Е. Компанистов жаловался на недооценку самим Почкаем вредительства в сельском хозяйстве: «Он грубо меня обругал и просто сказал: "Товарищ Компанистов, ищите шпионов, а не занимайтесь хозяйственными делами"». Деградировавшее за годы войны сельское хозяйство предоставляло чекистам обширные возможности для поисков всевозможных диверсантов и вредителей, «агентуры японской и германской». Поскольку дела на селе не улучшались, то из года в год велась борьба за «коренное улучшение» работы райотделов МГБ «в деле чёткого и своевременного выполнения ими приказов и указаний руководства управления МГБ по борьбе с антисоветским элементом в сельском хозяйстве». С точки зрения УМГБ, после войны изменение ситуации могло выразиться лишь в том, что враги, якобы ранее действовавшие открыто и нагло, теперь «ушли в подполье и будут действовать более тонкими методами» 120.

Менялся со временем состав карательных органов, изменялись масштаб и ориентация политических репрессий, ужесточались требования соблюдать «букву закона», однако характерные черты репрессивного аппарата воспроизводились с поразительным постоянством. Приписки и фальсификации, бытовая распушенность, взаимное недоверие и подсиживание в противоречивом сочетании с корпоративной солидарностью («своих не выдавать»), наконец, примат институциональных интересов над государственными, экономическими и даже простым здравым смыслом – всё это не только успешно сохранялось в военные и послевоенные годы, но пережило и 1953 год – смерть Сталина и расстрел Берии. Впрочем, послесталинская история новосибирских органов – тема уже другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все упомянутые в сносках документы относятся к фондам Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Лица общеизвестные и те, о которых развернутая информация у автора отсутствует, в примечаниях не комментируются. За помощь в работе приношу искреннюю признательность к.и.н. С.А. Папкову и д.и.н. С.А. Красильникову.

1 **Заковский** Леонид Михайлович (1894 – 29 августа 1938; наст. фам. и имя Штубис Генрих Эрнестович) – уроженец Латвии, сын лесничего, образование начальное, латыш. Член РСДРП(б) с 1913, тогда же сослан в Олонецкую губернию. С 1917 сотрудник по

особым поручениям ВЧК, участвовал в разгроме анархистов и левых эсеров, подавлении мятежей в Саратовской губернии, Астрахани и Рязани, с 1920 зампред Одесской губчека, с 1921 председатель Подольской губчека, с 7 марта 1923 начальник Одесского губотдела ГПУ, с февраля 1926 полпред ОГПУ по Сибирскому (с 1930 – Западно-Сибирскому) краю, начальник Особого отдела СибВО. С апреля 1932 полпред ОГПУ в Белоруссии, с 11 декабря 1934 – начальник УНКВД по Ленинградской области, с 29 января 1938 – первый зам. наркома ВД СССР. Комиссар ГБ 1 ранга (1935), делегат XVI-XVII съездов ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР. Награждён орденом Ленина, двумя – Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Арестован 29 апреля 1938, расстрелян.

Алексеев Николай Николаевич (1.11.1893 – 1937) – уроженец Ржева, сын агронома, учился два с половиной года в Московском и Харьковском университетах, русский. С 1910 эсер, затем – левый эсер, с мая 1919 в РКП(б). В 1915 провёл год в тюрьме, затем сослан. С 1917 – замнаркома земледелия РСФСР, с марта 1918 – командир отряда левых эсеров в армии К. Ворошилова, начштаба боевого участка, с 1920 – член Одесского губревкома, заворг Харьковского губкома КП(б)У. В 1921-1922 – на разведработе во Франции, с 1922 – особоуполномоченный по важнейшим делам секретно-оперативного управления ОГПУ, с 1924 – в Англии, с 1925 – помнач, с 1926 – начальник ИНФО ОГПУ, с февраля 1930 – полпред ОГПУ по Центрально-Черноземной области (Воронеж), с 28 апреля 1932 – полпред ОГПУ по Запсибкраю, до 28 января 1935. С 16 февраля 1935 – помнач Гулага, с 7 декабря 1935 – замначальника Волжского ИТЛ и строительства Рыбинского и Угличского гидротехнических узлов. Репрессирован, реабилитирован.

Каруцкий Василий Абрамович – член РКП(б) с 1920: комиссар ГБ 3 ранга (1935). В 1922 – зам начальника Особого отдела Восточно-Сибирского военокруга, с 27 октября 1922 – начальник Приморского губотдела ГПО-ГПУ, затем работал в Амурской области, Узбекистане, на 1932-1933 – полпред ОГПУ по Казахстану, с 28 января 1935 по 15 июля 1936 начальник УНКВД Запсибкрая, снят «за моральное разложение», работал начальником отделения и замначальника СПО ГУГБ НКВД, в 1938 начальник УНКВД по Московской области. Делегат XVI съезда ВКП(б), награждён орденом Ленина (20 декабря 1937). Застрелился в 1938.

2 ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.1-3, 60.

3 Там же. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.6, 7.

4 Там же. Ф.П-1204. Оп.1. Д.7. Л.171, 101; Д.18. Л.52; Д.10. Л.181 об. **Таныгин** Николай Иванович – родился в Томске в 1907, образование начальное, член ВКП(б) с 1938. С 1934 – в Особом отделе СибВО, полковой оперуполномоченный, сержант ГБ. Активный участник репрессий. В 1955 уволен с поста замначальника Октябрьского горотдела КГБ Башкирской АССР «по служебному несоответствию».

5 Ф.П-1204. Оп.1. Д.10. Л.201.

6 Погодаев (в ряде документов Погадаев) Георгий Дмитриевич (1900 – июль 1937) – из крестьян, образование начальное, в ЧК с 1920, член РКП(б) с 1921. В 1920-е – уполномоченный по политическим партиям Иркутского губотдела ОГПУ, затем в СПО полпредства ОГПУ Запсибкрая. В 1930 исключён из партии и арестован на 30 суток «за исключительно антиморальное поведение». С 1931 – начотделения СПО, замначальника СПО УНКВД ЗСК, старший лейтенант ГБ. Застрелился между 26 и 31 июля 1937.

Баталин Александр Викторович (1903 – ?) – сын дьякона, кандидат в члены ВКП(б) с 1932. В 1922 за дебош уволен из ВЧК, с 1932 в ОГПУ – оперуполномоченный СПО, Транспортного отдела, врио начальника Водного отдела УНКВД НСО. Лейтенант ГБ, в 1938 за пьянство находился под следствием и арестовывался. Лично пытал арестованных. В феврале 1939 уволен из НКВД.

7 **Курский** Владимир Михайлович – член РСДРП(б) с февраля 1917, в 1928 – один из руководителей следствия по «Шахтинскому делу», впоследствии на руководящих постах в ОГПУ-НКВД Северо-Кавказского края. В августе-декабре 1936 – начальник УНКВД ЗСК, старший майор ГБ, затем возглавил СПО ГУГБ НКВД, с 15 апреля 1937 – зам. НКВД СССР. Награждён двумя знаками почётного чекиста, орденом Красного Знамени, орденом Ленина (2 июля 1937). Застрелен 8 июля 1937.

8 **Успенский** Александр Иванович (февраль 1902 – 28 января 1940) – уроженец Тульской области, сын служащего, образование неполное среднее, русский, член РКП(б) с 1920. С 1918 – секретарь комбеда, с 1919 – начальник раймилиции, с июля 1920 – начальник информации, уездный уполномоченный, начальник ЭКО Тульского губотдела ВЧК-ОГПУ, с марта 1927 начальник ЭКО полпредства ОГПУ по Уралу, с сентября 1931 – начальник ЭКО, с июня 1934 – замначальника УНКВД по Московской области, с февраля 1935 – замкоменданта Московского Кремля, с февраля 1936 – замначальника УНКВД ЗСК, старший майор ГБ. С марта 1937 – начальник УНКВД по Оренбургской области, депутат ВС СССР, награждён орденом Ленина (2 июля 1937). С января 1938 нарком ВД Украины, последнее звание – комиссар ГБ 3 ранга. Скрылся из Киева 14 ноября 1938, арестован под Челябинском 16 апреля 1939. Расстрелян.

9 Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.42.

10 **Невский** Александр Павлович (1898 – 10 марта 1939) – с 1919 член компартии Югославии, с 1922 – в РКП(б) и Иностранном отделе ОГПУ. В середине 1930-х – в Москве и Иванове, с 1936 – помначальника Особотдела СибВО, с 1937 – начальник Транспортного отдела УНКВД ЗСК-НСО, капитан ГБ. Награждён орденом Красной Звезды (2 июля 1937), арестован 17 июля 1938, расстрелян.

Попов Серафим Павлович (январь 1904 – 29 января 1940) – уроженец с. Усмань Воронежской области, из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1928. С января 1918 в Воронежской губчека, с 1919 – в ВЧК (Москва), затем в РККА. С 1920 – в системе связи, с марта 1930 – мобилизован в ОГПУ (Воронеж), с мая 1932 – в СПО УНКВД ЗСК – начальник 1 отделения, помначальника (1935-1936), начальник отдела. Почётный чекист (1933), орден Ленина (2 июля 1937). С октября 1937 – начальник УНКВД по Алтайскому краю, капитан ГБ. Депутат ВС СССР. Арестован в декабре 1938, приговорён к расстрелу 28 января 1940.

11 **Жабров** Иван Андреевич (26 апреля 1898 – 1939) – уроженец г. Устюжны Вологодской области, из рабочих, образование начальное, русский. Член РКП(б) с 1918. Телефонист, с 1919 – в РККА, с января 1921 – в ЧК. С 1922 – уполномоченный по политпартиям, начальник агентурного и секретного отделов Новониколаевского губотдела ГПУ, в марте 1922 арестован и осуждён на 4 месяца «за должностное преступление», работал в Черепановском политбюро, с конца 1923 – начальник ИНФО и КРО в Новониколаевске, с октября 1925 – замначальника Омского окротдела ОГПУ, с 16 декабря 1926 – начальник Бийского окротдела, с 1 октября 1930 – во главе Барнаульского оперсектора, со 2 июня 1933 – начальник СПО ПП ОГПУ – УНКВД ЗСК, майор ГБ. С осени 1936 – начальник УНКВД по Каменец-Подольской области УССР. Депутат ВС СССР, награждён орденом

Красной Звезды (19 декабря 1937), уволен из НКВД в 1938, 22 февраля 1939 приговорён к расстрелу.

12 Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.41, 42.

13 *Залетер* Анс Карлович (24 августа 1899 – 1939) – из безземельных крестьян Паневежисского уезда Ковенской губернии, 4 класса гимназии, латыш. Член РКП(б) с 1919, в РККА с 1918, в Петрогубчека с 1920, в Закавказской ЧК с 1922: помначальника Осведомительного отдела и КРО, замначальника Особотдела, начальник КРО. С конца 1928 – начальник КРО ПП ОГПУ Сибкрая, замначальника Особотдела СибВО, с апреля 1932 начальник Особотдела и зам. ОГПУ-НКВД Белоруссии, с декабря 1934 – начальник Особотдела ЛенВО, с августа 1935 – замначальника УНКВД ЗСК, с сентября 1936 – начальник УНКВД Красноярского края. В 1937 – начальник Отдела правительственной охраны ГУГБ, старший майор ГБ. Награждён двумя знаками почётного чекиста, орденом Ленина (22 июля 1937), в 1938 – замначальника строительства Куйбышевского гидроузла и управления Самарлага, арестован. Расстрелян, реабилитирован.

14 Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.41; Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С.32-47; Правда. 1936. 20-26 ноября.

15 Ф.911. Оп.1. Д.275. Л.323; Уйманов В.Н. Репрессии: Как это было... Томск, 1995. С.301.

16 Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 гг. Новосибирск, 1992. С.59; Ф.П-1204. Оп.1. Д.8. Л.68.

17 Там же. Д.24. Л.88, 86, 102; Ф.П-3. Оп.1. Д.751. Л.293.

18 Сержант госбезопасности С.Я. Труш, сфабриковавший по приказу Успенского дело о должностных преступлениях Григорьева, был досрочно повышен в звании, сам же Григорьев получил трехлетний лагерный срок.

19 В октябре Экономотдел был расформирован, усилен опытными особистами и получил название контрразведывательного (КРО); в переписке именовался Третьим.

20 Ф.П-4. Оп.34. Д.28. Л.3, 1; Д.74. Л.162, 169; Ф.П-3. Оп.1. Д.866. Л.33; Ф.П-1204. Оп.1. Д.93. Л.262.

21 Одновременно с Апановичем и Суловым попал под удар прокурор Сиблага В.Н. Минин, в декабре 1936 освободивший 46 инвалидов (в том числе 26 – осуждённых по 58-й статье), а также прекративший 4 дела о «контрреволюционных преступлениях». К тому же на профсобрании Минин заявил, что в СССР существует эксплуатация, и привёл в качестве примера факт использования жёнами ответработников труда домработниц. Парторганизация Сиблага исключила своего прокурора из рядов ВКП(б), но партком УНКВД удовлетворился покаянным заявлением Минина и восстановил его в партии. (Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.156-162; Д.104. Л.26 об.).

22 Ф.П-4. Оп.34. Д.19. Л.65, 66.

23 Там же. Л.68, 71.

24 Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.166.

25 Мионов (Король) Сергей Наумович (1894 – 1940) – уроженец Киева, сын торговца, образование незаконченное высшее, еврей. С 1915 на фронте, прапорщик, с декабря 1918 в РККА, с апреля 1920 – сексот Особотдела 12-й армии, с декабря 1920 – начальник активного отделения Особотдела 1-й Конной армии, Особотдела Северо-Кавказского военokrуга, зампреда Черноморской ЧК, с апреля 1922 – начальник Горской ЧК, Восточного отдела полпредства ОГПУ по Северному Кавказу, с октября 1925 – начальник Горского объединенного отдела ОГПУ, с апреля 1928 во главе Кубанского окротдела, с августа 1931- замполпреда ОГПУ по Казахстану, с октября 1933 – начальник ОГПУ-УНКВД по Днепропетровской области. С 8 декабря 1936 – во главе УНКВД ЗСК, комиссар ГБ 3 ранга (1937), с 15 августа 1937 – в действующем резерве ГУГБ. С октября 1937 по апрель 1938 – полпред СССР в Монголии. С 1938 – заведующий 2-м (Восточным) отделом НКВД. Почётный чекист, награждён двумя орденами Красного Знамени (1926, 1930), орденом Ленина (2 июля 1937). Арестован в январе 1939, расстрелян.

Горбач Григорий Фёдорович (1898 – 7 марта 1939) – из бедных крестьян Прилукского района Черниговской области, образование начальное, украинец. Член РСДРП(б) с декабря 1916, с января 1918 – в Красной Гвардии, командовал штабом партизанского отряда, с марта 1919 – член коллегии уездной ЧК, с февраля 1920 – в руководстве особотделов ВЧК 5-й армии и 9-й Кубанской армии, с сентября 1923 – начальник КРО, замначальника Терского губотдела, с октября 1928 – замначальника Кубанского окротдела ОГПУ, с января 1931 – во главе Шахтинско-Донецкого оперсектора, Терского оперсектора, с января 1934 – помначальника УНКВД по Северо-Кавказскому краю, с апреля 1937 – замначальника УНКВД ЗСК, в конце июля и августе возглавлял УНКВД по Омской области, не позднее 22 августа 1937 стал начальником УНКВД ЗСК-НСО, старший майор ГБ. С июня 1938 – начальник УНКВД ДВК, депутат ВС СССР, награждён двумя знаками почётного чекиста, орденом Ленина (июль 1937). Арестован 28 ноября 1938, расстрелян.

Мальцев Иван Александрович (1898 – 24 августа 1940) – уроженец завода Билимбае Первоуральского района Свердловской области, из рабочих, литейщик, образование начальное, русский. С 1916 – в армии, дезертировал, член РСДРП(б) с октября 1917, красногвардеец, помначальника карательного отряда, затем в РККА, с 1921 – в ЧК. С 1923 – начальник Нижнетагильского, Челябинского, Пермского окротделов ОГПУ, с декабря 1928 – во главе Томского окротдела, с середины 1930 начальник админоргуправления полпредства ОГПУ по Уралу, Оренбургского оперсектора, с марта 1934 – помполпреда ОГПУ по Средне-Волжскому краю (Куйбышев), с апреля 1935 – замначальника УНКВД по Киргизии, с января 1936 – во главе УНКВД по Адыгейской АО, майор ГБ. С апреля 1937 – помощник, с июля 1937 – заместитель начальника УНКВД ЗСК-НСО, с мая 1938 – начальник УНКВД НСО. Арестован 25 января 1939, осуждён на 8 лет ИТЛ (8 августа 1940 приговор опротестован как излишне мягкий пленумом Верховного Суда СССР), погиб при невыясненных обстоятельствах.

Гречухин Дмитрий Дмитриевич (июнь 1903 – февраль 1939) – из рабочих Ивановской области, образование начальное, русский, член РКП(б) с 1919. В ЧК с сентября 1921, с октября 1929 – начальник ИНФО Костромского окротдела, с сентября 1930 – помначальника ЭКО ОГПУ по Ивановской области. С июля 1935 – начальник, замначальника ЭКО УНКВД ЗСК, с конца 1936 – начальник КРО, старший лейтенант ГБ. Со второй половины 1937 – начальник УНКВД по Красноярскому краю, в 1938 – во главе УНКВД по Ростовской области. Депутат ВС СССР, награждён орденом Красной Звезды (2 июля 1937). Арестован 1 декабря 1938, приговорён к расстрелу 22 февраля 1939.

Голубчик Михаил Иосифович (1906 – 1940) – рабочий, еврей, член ВКП(б) с 1930, с 1931 – в Центральной школе ОГПУ, с 1932 – в ЭКО ОГПУ-УНКВД ЗСК, в 1935-1936 – начальник Сталинского горотдела НКВД, с марта 1936 – начальник отделения, помначальника ЭКО-КРО УНКВД ЗСК. В августе 1937 откомандирован, работал полпредом СССР в Монголии. Орден Красной Звезды (2 июля 1937). Репрессирован.

Пастаногов (во многих документах ошибочно Постоногов, Пастоногов) Константин Константинович (январь 1907 – ?) – уроженец Красноярска, сын инженера, конторщик, образование – курсы киномехаников, русский, член ВКП(б) с 1931. С 1926 – сексот Барабинского окротдела ОГПУ, с 1930 – райуполномоченный, затем в СПО ОГПУ-УНКВД, с 1937 – помощник, замначальника, в 1938-1939 – начальник СПО УНКВД НСО, исключён из ВКП(б) в мае 1939, был на хозяйственной работе. 22 ноября 1940 осуждён «за нарушения законности» на 8 лет, использовался в качестве старосты лагпункта УИТЛК в Новосибирске. В 1941 освобождён и отправлен к партизанам. В 1944-1945 помначальника УИТЛК НСО, до 1946 – во главе отдела СМЕРШ УМВД НСО по обслуживанию милиции и пожарной охраны, затем на оперативной работе во Владивостоке. Награждён орденом «Знак Почёта» (2 июля 1937) и Красной Звезды (26 декабря 1943). Вторично исключён из КПСС «за доносительство» (Анжеро-Судженск, 1954).

Вяткин Григорий Матвеевич (1900 – февраль 1939) – уроженец Тобольской губернии, с 1919 мобилизован в колчаковскую милицию, с 1920 – в РККА. В 1930-е – на руководящих постах в Транспортном отделе УНКВД ЗСК, в 1937 переброшен в Москву. 19 декабря 1937 награждён орденом «Знак Почёта», 16 ноября 1938 арестован в должности начальника УНКВД по Житомирской области УССР. 23 февраля 1939 приговорён к расстрелу.

Шамарин Андрей Васильевич (1904 – ?) – с 1920-х в ОГПУ Сибири, член ВКП(б) с 1925, на 1932 – оперуполномоченный Особотдела Омского оперсектора. С марта 1937 – начальник оперпункта ДТО НКВД ст. Тайга, в 1938-1939 – замначальника ДТО УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. 21 апреля 1939 снят обкомом с руководящей работы в ДТО. В 1941 – начальник секретариата УНКВД НСО, с августа 1941 – начальник КРО, в 1942-1943 – замначальника УНКВД НСО, капитан ГБ. В 1943-48 во главе УНКВД-УМВД Кемеровской области, комиссар ГБ, с декабря 1947 – депутат Кемеровского облсовета.

Монтримович Владимир Дмитриевич – в середине 1920-х работал в Иркутском губотделе ОГПУ, затем в ЭКО ПП ОГПУ Сибкрая. В 1934 начальник Бийского горотдела, в 1935-1936 – начальник VI отделения ЭКО УНКВД ЗСК, с 1936 – особоуполномоченный, в 1937-1938 во главе Кемеровского ГО НКВД, затем осуждён. На 1956 – инспектор по кадрам на кирпичном заводе в Кемерове.

Ольшанских Иван Николаевич (1893 – ?) – из крестьян, образование начальное, член РКП(б) с 1919. В ЧК-ОГПУ с 1919 по 1926 (разведчик, следователь), затем в запасе по инвалидности, с 1928 – снова в ОГПУ, работал в отделе кадров УНКВД ЗСК, лейтенант ГБ. В 1937 – начальник ОК УНКВД НСО. На февраль 1943 – в РККА.

26 **Овчинников** Иван Васильевич (1898 – 19 мая 1941) – из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1921. С 1917 – в царской армии, с 1919 – в РККА, с 1922 – продинспектор, с 1923 – в Алтайском губотделе ОГПУ. С 1927 – замначальника Рубцовского окротдела, старший уполномоченный ЭКО, в Рубцовске и Кузнецке, начальник ЭКО Рубцовского окротдела ОГПУ. С апреля 1930 – уполномоченный, начальник I отделения ЭКО ПП ОГПУ ЗСК, с 1933 – во главе Прокопьевского горотдела,

с 16 октября 1936 по август 1938 – начальник Томского ГО НКВД, капитан ГБ. С октября 1938 – начальник УСВИТЛ (Магадан), в 1939 арестован, 2 декабря 1940 осуждён «за антисоветскую агитацию» на 10 лет ИТЛ, 24 марта 1941 снова осуждён «за злоупотребление служебным положением» к расстрелу.

Мартон Степан Степанович (Иштван Иштванович; 25 октября 1897 – 1959) – родился в Венгрии, сын банковского служащего, образование среднее. С 1915 – в австро-венгерской армии, с июля 1916 в российском плену, с марта 1918 в партизанском отряде Лаврова (Иркутск), участвовал в 1920 в подавлении Баргузинского восстания, затем служил фармацевтом. С июля 1922 – в ОГПУ Баргузина, Верхнеудинска, Томска, Барнаула, с мая 1931 – старший уполномоченный СПО III ОГПУ ЗСК, с мая 1932 – начальник СПО Омского оперсектора, с августа 1934 – начальник Нарымского окротдела НКВД, старший лейтенант ГБ. Арестован в 1938, освобождён в июле 1939. С 1944 в системе ИТЛ Южного Кузбасса, восстановлен в звании (майор ГБ) и ВКП(б).

Золотарь Иван Федорович (1905 – ?) – рабочий, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1927. С 1920 в РККА, с 1922 в ОГПУ Кубани, с 1932 – оперуполномоченный ЭКО Брянского оперсектора, с 1933 – начальник Славгородского, с 1934 – Каменского райотделов ОГПУ, с ноября 1936 во главе Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД, старший лейтенант ГБ. Арестован не позднее 20 марта 1938 «за дискредитацию органов и нарушение революционной законности».

Бочаров Иван Яковлевич (1906 – 1940) – рабочий, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1928. С 1927 – секретарь райкома ВЛКСМ, с 1928 в РККА, с 1931 в ОГПУ Томского оперсектора, затем – начальник V, VIII отделений ЭКО, помначальника ЭКО УНКВД ЗСК, с апреля 1937 – начальник Ойротского облНКВД, с июня 1937 откомандирован. В 1938 – во главе УНКВД по Куйбышевской области, старший майор ГБ. Награждён орденом «Знак Почёта» (2 июля 1937). Расстрелян.

Ровинский Александр Самойлович (10 мая 1899 – ?) – рабочий-электромонтёр, образование начальное, еврей, член ВКП(б) с 1926. С 1917 в Красной гвардии и РККА, с 1920 в Особотделе 12-й армии, с 1923 в ОГПУ Крыма, с 1933 – начальник Симферопольского РО ОГПУ, начальник 2-го отделения СПО и 1-го отделения ЭКО УНКВД Крымской АССР. С 1936 – начальник 2-го отделения и помначальника ЭКО УНКВД ЗСК, с ноября 1936 – начальник Сталинского ГО НКВД, с весны 1938 – помощник и замначальника УНКВД НСО, капитан ГБ. Весной 1939 откомандирован в Дальлаг НКВД, затем уволен. 19 декабря 1937 был награждён орденом Красной Звезды. В 1956 – директор кинотеатра в Симферополе.

Аболмасов Дмитрий Фатеевич (1895 – ?) – из бедных крестьян, образование среднее, русский, член РКП(б) с 1918. С 1918 в ЧК-ОГПУ Воронежской области, Владимире и Иванове, Татарии. С 1933 начальник Ленинск-Кузнецкого ГО ОГПУ, в 1934 снят и исключён из партии «за потерю классово-бдительности и морально-бытовое разложение», работал в милиции, СПО, с сентября 1936 – начальник Мариинского ГО НКВД. 25 ноября 1937 исключён из ВКП(б) как «враг народа».

Портнягин Михаил Максимович (12 октября 1903 – после 1983) – уроженец г. Тары, сын плотника, образование начальное, русский. С 1928 в ОГПУ, с июля 1936 – начальник Барабинского РО НКВД, с января 1938 – начальник 2-го отделения СПО УНКВД НСО, с мая 1938 во главе Беловского, с июля 1939 – Прокопьевского горотделов, с октября 1940 – начальник 1 ЭКО, с июня 1941 – замначальника III (Особого) отдела СибВО, капитан ГБ (1942).

27 *Данцигер* Анатолий Борисович (1903 – 1969) – кадровый чекист, в 1930-е работал в комендатуре Кремля, в 1937 – начальник Оперативно-чекистского отдела Сиблага, старший лейтенант ГБ. Арестован, 5 августа 1937 исключён из ВКП(б) «за связь с шпионом и предательство», осуждён на 10 лет ИТЛ. Участник войны.

Моисеев Вячеслав Осипович (1896 – ?) – уроженец Санкт-Петербурга, из рабочих, русский, член ВКП(б) с 1931. Работал помначальника Ленинградского изолятора («Кресты»), с декабря 1933 в Новосибирске, с июля 1936 – помощник, с февраля 1940 – замначальника УИТЛК УНКВД НСО (и на июнь 1943).

Писклин Иван Александрович (1901- ?) – образование начальное, русский, канцелярист, член РКП(б) с 1920. В ОГПУ с 1922, работал в окротделах Красноярска, Новокузнецка, Омска. С 26 апреля 1931 – оперуполномоченный СПО ПП ОГПУ, с января 1933 в Минусинске, в 1934-1935 – начальник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД, на 1937 – замначальника оперчекотдела Сиблага.

28 *Долгих* Иван Иванович (1896 -1956) – уроженец Барнаула, сын чернорабочего, образование начальное, русский, с 1918 – левый эсер, член РКП(б) с 1920. С 1915 в армии, с 1918 – партизан, с 1921 – в ЧОН Алтая, активный участник подавления крестьянских мятежей. С декабря 1926 – начальник тюрьмы в Барнауле, снят с должности 1 сентября 1928. Не раз привлекался к ответственности за пьянство. С марта 1931 – начальник Комендантского отдела Запсибкрайисполкома, помначальника Сиблага, с весны 1933 – во главе Отдела трудпоселений ПП ОГПУ ЗСК. В феврале 1938 откомандирован в Краслаг НКВД. С 1950 пенсионер.

Альтберг Александр Карлович (апрель 1895 – 1938) – уроженец Риги, окончил 6 классов реального училища, рабочий-электромеханик, латыш, член РКП(б) с 1918. С июня 1919 в ЧК-ГПУ Ирбита, Свердловска. Почётный чекист (1925), почётный работник милиции (1936). С 1934 – начальник УРКМ Северного края, капитан милиции, с 20 февраля 1937 – начальник УРКМ УНКВД ЗСК-НСО и помначальника УНКВД, майор милиции. Арестован в конце 1937, расстрелян.

29 *Агранов* Яков Саулович (1893 – 1 августа 1938) – комиссар ГБ 1 ранга (1935), в ЧК-ОГПУ с 1919. С 1934 – первый замнаркома ВД СССР. С 1 июня по 16 июля 1937 – начальник УНКВД по Саратовской области, затем арестован и расстрелян.

30 *Литвин* Михаил Иосифович (1892 – 12 ноября 1938) – член РСДРП(б) с марта 1917, участник Гражданской войны, начальник Агентурного отделения Военотдела ГПО ДВР, с 1922 – секретарь Дальбюро ВЦСПС, затем на партийной работе. С 1936 – начальник ОК ГУГБ НКВД СССР, с 17 мая 1937 – начальник СПО ГУГБ НКВД, с 20 января 1938 во главе УНКВД по Ленинградской области, комиссар ГБ 3 ранга. Застрелился.

31 Ф.П-3. Оп.1. Д.794. Л.34; Д.767. Л.124-153.

32 Там же. Оп. 10. Д.648. Л.988; Оп.1. Д.798. Л.82-85; Д.837. Л.90; Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.33; Д.25. Л.30; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.58.

33 Ф.П-4. Оп.18. Д.5201. Л.1-4; Оп.34. Д.20. Л.114.

34 Ф.П-3. Оп.1. Д.822. Л.5; Д.860. Л.63.

35 **Луньков** Алексей Григорьевич (22 августа 1903 – ?) – уроженец Новосибирска, сын каменщика, образование начальное, чернорабочий, член РКП(б) с 1920. С 1919 в РККА, командир эскадрона ЧОН, с 1924 – нарсудья, участковый прокурор в Барабинском округе, с ноября 1929 в ОГПУ, райуполномоченный, с 1935 – оперуполномоченный ЭКО УНКВД ЗСК, с 1937 – в VI отделении КРО и начальник IV отделения КРО УНКВД НСО. С 19 февраля 1938 – начальник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД, почётный чекист (5 мая 1938). В 1935 был под следствием «за неправильные оперативные мероприятия по вскрытию контрреволюционной группы», дело прекращено. Арестован в феврале 1939 и 22 февраля 1939 осуждён на 7 лет ИТЛ. Амнистирован, 20 сентября 1943 за «образцовое выполнение заданий правительства по охране госбезопасности в условиях военного времени» награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, капитан ГБ. На 1944 – в Томске.

36 Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.27, 65; Ф.П-1204. Оп.1. Д.28. Л.76.

37 Там же. Л.89; Д.326. Л.25, 41, 43.

38 **Барковский** Александр Николаевич (1895 – 1938) – поляк, с 1915 рядовой, юнкер, подпоручик, с декабря 1917 – комбат, с августа 1918 в Военконтроле, с мая 1923 – начсектора в Разведотделе штаба 5-й Краснознамённой армии. Кандидат в члены ВКП(б) с 1931. С февраля 1924 по июнь 1925 в разведкомандировке в Китае (Цицикар, Хэйхэ), затем в ПП ОГПУ ДВК и Туркмении, начальник Особотдела. С февраля 1933 – помначальника Особотдела ПП ОГПУ по Казахстану, с апреля 1935 – замначальника особотдела УНКВД ЗСК, старший лейтенант ГБ. Арестован в августе 1937, расстрелян.

Подольский Матвей Миронович (1894 – 1938) – уроженец Бердянска, из мещан, образование домашнее, еврей, член РКП(б) с 1919. Приказчик в магазине, с 1915 в армии, с 1919 – в РККА, одновременно – сексот Особотдела Юго-Восточного фронта, с 1920 – уполномоченный по агентуре, начальник отделения Особотдела Кавказского фронта, в КРО Закавказской ЧК. С января 1927 – помначальника, начальник КРО ОГПУ Азербайджана, с 25 августа 1929 – начальник 2-го отделения КРО ПП ОГПУ по Сибири, с 1930 – начотделения Особотдела СибВО. С октября 1932 зам. нач. и нач. Томского оперсектора-горотдела ОГПУ и Особотдела 78-й стрелковой дивизии, с ноября 1936 – помначальника, с 1937 – замначальника УНКВД ЗСК. Почётный чекист (1934), майор ГБ (1937), в середине 1937 убыл из Новосибирска. Награждён орденом Красной Звезды (19 декабря 1937). Расстрелян.

39 Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.22-25.

40 **Егоров** Павел Андрианович (1904 – ?) – в ОГПУ Сибири с 1922, с 1936 – начальник 2 и 5-го отделений Особотдела СибВО, начальник Особотдела Томского ГО НКВД, старший лейтенант ГБ. Уволен 25 января 1938 «за должностное преступление». 11 апреля 1938 осуждён на 5 лет ИТЛ, позднее за письмо Сталину с «рассказом о беззакониях» осуждён ещё на 10 лет.

41 Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.46, 47.

42 Там же. Д.2. Л.141, 142; Д.1. Л.37, 54-56.

43 Там же. Д.2. Л.98, 99, 101; Д.224. Л.36.

44 **Почкай** Илья Борисович (1910 – 1995) – член ВКП(б) с 1936, образование среднее. В 1932 – уполномоченный ЭКО Ачинского РО ОГПУ, награждён пистолетом за участие в

изъятии валюты, на 1936-1939 – начальник ЭКО-КРО и замначальника Сталинского ГО НКВД. С 1939 – начальник СПО, с августа 1941 – ЭКО УНКВД НСО, с марта 1943 – во главе КРО УНКГБ НСО, подполковник ГБ. В середине 1945 уехал из Новосибирска, работал в НКГБ Литвы, затем в одном из управлений КГБ СССР (1956), полковник. 24 декабря 1942 был награждён орденом Красной Звезды за «образцовое выполнение заданий правительства по производству боеприпасов».

45 Разыскания: Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. Кемерово, 1992. С.57-67; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.99.

Смоленников Евгений Алексеевич (1903 – ?) – уроженец Томска, из крестьян, образование начальное, член ВЛКСМ с 1919. С 1920 – в Кузнецкой уездной ЧК, Щегловском домзаке, член ВКП(б) с 1924. Участковый уполномоченный при Кузнецком окротделе ОГПУ Сибири, с 24 июля по 17 августа 1927 был под арестом «за развал информационной сети и агентуры», пьянство, затем уволен, работал в стройорганизациях Томской железной дороги. Мобилизован в НКВД 7 декабря 1935 Запсибкрайкомом ВКП(б), работал оперуполномоченным Особотдела, КРО Сталинского ГО. Осуждён, реабилитирован 30 июля 1957, работал начальником отдела в Краснобродском стройуправлении Кузбасса.

46 Маскина Н. Заложники у времени / / Красное знамя (Томск). 1989. 2, 9 августа; Расправа: Прокурорские судьбы. М., 1990. С.144.

47 Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.144, 166, 167.

48 **Качуровский** Владимир Дмитриевич (5 апреля 1905 – ?) – уроженец г. Жмеринки Винницкой области, из бедных крестьян, образование начальное, украинец. В 1923-1927 – член бюро уездного и окружного комитетов ВЛКСМ, с 1927 в РККА, член ВКП(б) с 1928, с 1929 – в ОГПУ Камня, Барнаула, Новосибирска. В 1937 – начальник Киселёвского горотдела НКВД, в 1938-1939 – замначальника и начотделения КРО УНКВД НСО. В мае 1939 уволен за «перегибы» в следствии и связь с репрессированными родственниками, затем был замначальника речпорта в Новосибирске, с октября 1941- помдиректора комбината N179 по ПВО и охране.

49 Ф.П-4. Оп.34. Д.80. Л.2,3.

50 Там же. Д.26. Л.10-14.

51 **Шрейдер** Михаил Павлович (1902 – 1978). В 1920-е работал в Секретном отделе ОГПУ СССР, в 1932 – начальник ЭКО ОГПУ Татарии, в 1933 – начальник VI отделения ЭКО ПП ОГПУ по Московской области, помначальника Московского УГРО, с 1934 – во главе УРКМ Ивановской области, капитан милиции. С 21 января 1938 – начальник УРКМ и помначальника УНКВД НСО; самовольно оставил должность после конфликта с Г. Горбачом и 18 февраля 1938 прибыл в Москву. Назначен начальником милиции и замначальника УНКВД Казахстана. Награждён знаком почётного чекиста, орденом Красной Звезды. Арестован 16 июня 1938, в начале 1940-х освобождён, воевал. После войны работал в Мосгортоснабе.

52 Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995. С.89-91; Ф.П-4. Оп.34. Д.78. Л.5; Ф.1020. Оп.4а. Д.5. Л.290.

53 Ф.П-4. Оп.34. Д.4. Л.4; Д.63. Л.4, 7.

54 **Суров** Николай Андреевич (1900 – июнь 1938) – из крестьян-середняков, образование среднее, русский, член РКП(б) с 1920. С мая 1919 мобилизован в армию Колчака, в конце 1919 участвовал в восстании 12-го Томского полка. С 1922 в ГПУ, в первой половине 1930-х – оперуполномоченный Особотдела УНКВД ЗСК, имел 6 наград. С мая 1936 – врио начальника Ойротского облотдела НКВД, с осени 1936 – помначальника Нарымского окротдела, старший лейтенант ГБ. Расстрелян. Реабилитирован.

Галдилин Михаил Григорьевич (1899 – ?) – из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1920. с июня 1931 – начальник Чаинского, с октября 1932 – Кургасокского РО ОГПУ, с ноября 1937 – начальник СПО Нарымского окротдела НКВД, лейтенант ГБ. Арестован 2 января 1938, освобождён в сентябре 1939. С февраля 1940 – председатель правления Нарымского окрлесхимпромсоюза.

55 **Горский** Аркадий Романович (1900 – ?) – уроженец Одессы, рабочий, образование среднее, еврей, член РКП(б) в 1919-1921 (исключён «за связь с обывательщиной»), кандидат ВКП(б) с 1930. Воевал в Красной Гвардии и РККА, в ЧК с 1920 по 1925 и с 1928. В 1930-е – в СПО УНКВД ЗСК, начальник V отделения, в 1936-1937 – помначальника СПО, старший лейтенант ГБ, затем замначальника 1 отдела УНКВД НСО. Арестован 9 октября 1937, в феврале 1938 осуждён на 8 лет ИТЛ по ст. 58-8 УК, освобождён постановлением пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1940. В 1941 – начальник Асиновского отделения УИТЛК НСО, на 1942-1943 во главе Новосибирского отделения УИТЛК, майор ГБ. На 1946 в системе УИТЛК НСО.

Веледерский Константин Григорьевич (Эрделевский Исаак; 1898 – 22 декабря 1937) – уроженец Одессы, еврей, член РСДРП(б) с апреля 1917 (исключался в 1921), в ОГПУ с 1923. С мая 1926 в Сибири: уполномоченный ЭКО полпредства ОГПУ, в середине 1933 – врио начальника Омского оперсектора ОГПУ, с февраля 1937 – начальник 1 отделения ДТО НКВД Томской железной дороги, помначальника Томского горотдела НКВД, исключён из ВКП(б) 31 октября 1937 как враг народа, расстрелян. Реабилитирован в 1957.

56 Ф.П-3. Оп.1. Д.869. Л.79; Ф.П-4. Оп.34. Д.17.

57 Красное знамя (Томск). 1989. 9 августа; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.177.

58 Ф.П-4. Оп.34. Д.51. Л.56-58; Ишов М. Годы потрясений // Расправа: Прокурорские судьбы. М., 1990. С.193-306. Ишов успел арестовать начальника Шегарского РО НКВД И.Н. Пучкина, начальника Шегарского РОМ Вавриша, милиционера Свешникова. Видимо, не без его содействия тогда же, летом 1938, арестовали преемника Аболмасова в Мариинске – В.Д. Василевича – за «организацию составления неверных протоколов арестованных и подделку их подписей», а в начале года – начальника Ленинск-Кузнецкого ГО И.Ф. Золотаря. Попал в тюрьму и начальник Кемеровского ГО НКВД Монтримович.

59 **Эйхе** Роберт Индрикович (1895 – 4 февраля 1940) – член РСДРП(б) с 1905, с 1922 в Сибири: продкомиссар, зампред Сибревкома, председатель Сибкрайисполкома, 1-й секретарь Сибкрайкома и Запсибкрайкома ВКП(б). С октября 1937 нарком земледелия СССР. Арестован 29 апреля 1938. Расстрелян. Реабилитирован.

Алексеев Иван Иванович (1895 – февраль 1939) – рабочий-путиловец, красногвардеец, политработник РККА, с 1928 секретарь парткома Путиловского завода, секретарь Кировского РК ВКП(б) в Ленинграде, награждён орденом Ленина. С августа 1937 – председатель Свердловского облисполкома, с 25 октября 1937 – 2-й, с 10 ноября 1937 – и.

о. 1-го секретаря Новосибирского обкома ВКП(б), член тройки НКВД. Снят 3 ноября 1938, расстрелян.

60 Ф.П-4. Оп.18. Д.463. Л.6-16.

61 **Дымнов** Ефим Федорович (1905 – ?) – из крестьян, образование среднее, русский, член ВКП(б) с 1928. В ОГПУ с 1927, в 1930-е работал в СПО УНКВД ЗСК, в 1938 – замначальника СПО, с августа 1938 врио начальника IX отдела, в 1939 – врио начальника 3-го отдела ЭКУ УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. 17 мая 1939 снят с должности, уволен из НКВД.

62 Ф.П-4. Оп.33. Д.67а. Л.28, 29.

63 Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.65-68.

64 **Мелехин** Назар Харлампович (20 октября 1906 – 6 апреля 1939) – из крестьян Панкрушихинского района Алтайского края, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1925. В ОГПУ с октября 1930, с октября 1936 – начальник отделения КРО, с июня 1937 – помощник и замначальника Особого отдела СибВО, с августа 1938 – начальник 2-го Экономотдела УНКВД НСО. Застрелился.

65 **Заяринов** Сергей Михайлович (1907 – ?) – из бедных крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1930. В ОГПУ с декабря 1931, работал в Омской области, с декабря 1934 в Прокопьевске (врио начальника КРО), с марта 1938 – в УНКВД, с 15 июня 1938 – замначальника 7-го отделения КРО, начальник 2 отделения 2-го ЭКО, лейтенант ГБ. С мая 1941 во главе Осинниковского РО НКВД, затем в УНКВД по Кемеровской области. На 1950 – замначальника отдела УМГБ НСО, подполковник.

66 **Максимкин** Василий Семенович (1 января 1905 – ?) – из крестьян Пронского района Рязанской области, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1926, в ОГПУ с ноября 1930. С марта 1936 – начальник Болотнинского РО НКВД, с апреля 1938 – начальник отделения 2-го ЭКО УНКВД НСО, с июля 1939 во главе Маслянинского РО, с мая 1941 утверждён начальником Киселёвского ГО НКВД.

67 Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.56-61, 70.

68 Ф.911. Оп.1. Д.275. Л.205; Красное знамя (Томск). 1989. 9 августа; Ф.П-4. Оп.34. Д.5. Л.34.

69 Ф.П-460. Оп.1. Д.176. Л.55.

70 Там же. Д.7. Л.35; Ф.20. Оп.1. Д.259. Л.24.

71 **Кравчинский** Николай Сергеевич – до июня 1935 второй секретарь Оренбургского обкома ВЛКСМ, затем в НКВД СССР. С 1937 – начальник ОК УНКВД по Оренбургской, а с января 1938 – Новосибирской области, старший лейтенант ГБ. В марте 1939 «за антипартийную практику» исключён из ВКП(б).

72 **Малозовский** (Молозовский) Анисим Вульфович (1898 – ?) – столяр, образование начальное, еврей, член РКП(б) с 1920, в ОГПУ с 1922. Работал в Особотделе СибВО, на 1938-1939 в КРО УНКВД НСО, лейтенант ГБ. С 1939 – завспецчастью Сиботделения треста «Электромонтаж». На 1943 нач. отделения КРО УНКГБ, в 1945 награждён орденом

Красного Знамени за выслугу, майор ГБ. На 1946 – начотдела исправтрудоуработ УИТЛК УНКВД НСО.

Терентьев Никита Максимович (май 1899 – ?) – из крестьян Омской области, окончил 2 курса рабфака, член РКП(б) с 1920. Работал в Омском окротделе ОГПУ, с 1930 в Новосибирске, начальник отделения ЭКО УНКВД ЗСК, с 1936 – замначальника ОК УНКВД, с 1937 – во главе Прокопьевского ГО НКВД, в 1938-39 – помначальника Нарымского окротдела НКВД, в 1942 снят с поста начальника ОК Кемеровского азотнотукового завода «за попытку изнасилования девушки-комсомолки». В 1943 – начальник 1 отделения ЭКО УНКВД НСО, с мая 1943 – начотдела по борьбе с бандитизмом УНКВД. В 1945 награждён орденами Красного Знамени и Красной Звезды, подполковник. До июня 1948 – замначальника УНКВД НСО.

73 **Большаков** Николай Тимофеевич (22 мая 1903 – ?) – из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1927. С февраля 1936 утверждён начальником Тегульдетского РО УНКВД ЗСК, лейтенант ГБ. «Применял пытки». 30 апреля 1939 уволен из НКВД «за незаконный арест 25 человек», с июля 1939 заведующий Тегульдетским райземотделом.

74 **Мельников** Сергей Ипполитович (октябрь 1888 – ?) – из крестьян Иркутской области, образование среднее, шахтёр, член РКП(б), с июня 1920 – в ЧК-ОГПУ Бодайбо и Иркутска, с сентября 1929 – начальник ЭКО Омского окротдела, с июня 1931 – начальник Беловского РО ОГПУ, снят с понижением «за недосмотр за следствием по групповому делу», с декабря 1934 во главе Мошковского РО НКВД. Арестован в 1939, осуждён.

75 **Егоров** Виктор Тимофеевич (1902 – ?) – с 1919 в РККА, член РКП(б) с 1920, в ОГПУ с 1929. До 1937 работал в Особотделе СибВО, затем в Красноярске, лейтенант ГБ. Награждён орденом Красной Звезды (19 декабря 1937), с 1938 – замначальника Особотдела СибВО. Арестован в Новосибирске 28 декабря 1939, осуждён на 7 лет ИТЛ.

76 **Кудрявцев** Григорий Иванович (8 сентября 1905 – ?) – уроженец Воронежа, из крестьян, образование среднее, русский, член ВКП(б) с 1929. Машинист паровоза, с 1934 на партработе, с августа 1937 – второй, с мая 1938 – первый секретарь Красногвардейского РК ВКП(б) в Днепропетровске. С февраля 1939 – начальник УНКГБ-УНКВД НСО, майор ГБ (1939), награждён орденом Красной Звезды. Решением ЦК ВКП(б) снят 22 апреля 1941.

Медведев Федор Михайлович (1909 – ?) – уроженец Тереховского района Гомельской области, сын кассира, электрик, белорус, член ВКП(б) с 1932, образование среднее. С 1935 на партработе, с февраля 1938 – секретарь парткома Нижнеднепровского вагоноремонтного завода, с августа 1938 – ответорганизатор отдела руководящих парторганов ЦК КП(б)У, с декабря 1938 – слушатель ВШПО при ЦК ВКП(б). С января 1939 – слушатель ЦШ НКВД, с февраля 1939 – помощник, замначальника УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. С февраля 1941 – начальник УНКВД НСО, снят решением ЦК ВКП(б) 26 апреля 1941 как «не справившийся с работой».

77 **Киселевич** Валентин Евгеньевич (15 июня 1900 – ?) – уроженец Брянска, сын судебного чиновника, рабочий, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1928. С сентября 1921 в ЧК-НКВД железнодорожного транспорта, с апреля 1935 – начальник ЭКО в ДТО УНКВД по Воронежской области, с августа 1937 – начальник КРО, помощник и замначальника ДТО НКВД Юго-Восточной железной дороги. С конца июня 1939 – начальник ДТО НКВД Томской железной дороги (и на 1941), старший лейтенант ГБ.

78 **Иванов** Федор Николаевич (1905 – ?) – член ВКП(б) с 1930, образование среднее, с 1 октября 1931 мобилизован Запсибкрайкомом в ОГПУ, работал в ЭКО УНКВД НСО, с 1936 – в Сталинске, с 1937 – помначальника, с 1938 – начальник КРО УНКВД. В январе 1941 снят, арестован, освобождён в июле 1941. В 1942 награждён орденом Красного Знамени «за доблесть и мужество, проявленные на фронте», на январь 1943 – в Томске, капитан ГБ. Уволен из МГБ в 1952 за «нарушение законности», в 1958 осуждён.

79 **Горбенко** Георгий Иванович (1903 – 1972) – член ВКП(б) с 1925, с 1928 в ОГПУ, работал в Особотделах (Омск, Новосибирск), с 1935 – оперуполномоченный и врио начальника КРО Томского ГО НКВД. Допрашивал поэта Н.А. Клюева. С 1939 – в КРО Ленинск-Кузнецкого ГО, следователь следственной части УНКВД НСО. Решением обкома в 1939 отправлен на учёбу. В 1950-е директор Томского строительного техникума, в 1957 ненадолго был исключён из КПСС «за участие в репрессиях».

80 Ф.П-4. Оп.18. Д.2431. Л.1-3.

81 **Веверс** Ян Янович (1899 – после 1970) – уроженец Латвии, латыш, с 1919 в РККА, с 1922 в ГПУ Енисейской губернии, начальник ЭКО Омского окротдела, с сентября 1928 – начальник Канского окротдела ОГПУ, после 1930 – в Ростове-на-Дону, начальник СПО и член тройки УНКВД Татарии, переведён в Хабаровский край, в 1939 – начальник УРО Сиблага, с 1940 в Латвии, с 1941 – в Кировской области, с 1942 – в Москве. Замначальника опергруппы НКГБ Латвии с 1944, был замнаркома и замминистра НКГБ-МГБ Латвии, с 1952 – начальник УМГБ по Рижской области, с 1953 – зам МВД, с 1954 – председатель КГБ Латвии, уволен 12 марта 1963 в отставку по состоянию здоровья, генерал-майор. Умер в Риге.

82 **Эденберг** Отто Юганович (11 июня 1903 – ?) – из бедных крестьян Лифляндской губернии, слесарь, образование среднее, эстонец, член ВКП(б) с 1926. С 1921 – в РККА, с 1934 – в НКВД, работал в Особом отделе, в 1937-1938 в КРО УНКВД НСО, руководил репрессиями против латышей и эстонцев. С 1938 – замначальника Томской трудколони (с 1940 – начальник), с 17 октября 1941 – замначальника Новосибирского отделения УИТЛК, с 7 апреля 1942 – зам начальника Асиновского отделения Сиблага, уволен 26 августа 1942 «по ст. 47, п. 3». Работал в системе Кузбассугля, в 1946-1949 – во главе президиума Обллесхимпромсоюза, снят за «личные злоупотребления», затем – начотдела в спецуправлении новосибирского треста «Союзстеклострой». 16 августа 1954 исключён из КПСС за «незаконное получение премиальных, халатность и участие в репрессиях 1937-1938», затем «привлечён к уголовной ответственности».

83 **Пасынков** Яков Андреевич (31 марта 1900 – 1986) – уроженец Уржумского уезда Вятской губернии, образование начальное, колбасник, русский, член РКП(б) с 1920 (с перерывом в 1923-1930). С 1920 в Бийской ЧК, в 1922 осуждён на 2 года лишения свободы за «уничтожение группы пленных бандитов» и «незаконную реализацию трофейного имущества» в Горном Алтае (отбыл 8 месяцев). С 1922 – на «негласной работе», затем райуполномоченный, сотрудник ИНФО-СПО, с 1933 – в Особотделе СибВО, с 1936 – начальник Особотдела Ойротского облНКВД, с 1937 – начальник КРО Анжеро-Судженского ГО, с 1938 – во главе СПО Томского ГО НКВД, с 1939 – врио начальника и начальник Томского ГО, с 1942 начальник КРО УНКВД НСО, капитан ГБ, в 1944 – начальник Оперотдела УНКВД, затем руководил лагерем военнопленных N199 и отделом «В» УМГБ НСО, уволен в 1950 «по болезни». Почётный чекист, награждён орденом Ленина, орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Знак Почёта. В 1957 подлежал уголовному преследованию за участие в массовых репрессиях, но избежал наказания. В 1960-е писал доносы на уцелевших репрессированных, а также мемуары.

Трындин Валентин Григорьевич (август 1909 – 1940) – уроженец Самары, из рабочих, токарь, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1929. В ОГПУ с марта 1932, с июля 1936 – в Особотделе СибВО, в 1938 – начальник II отделения КРО УНКВД НСО, с мая 1938 по 1940 – начальник Кемеровского ГО НКВД, лейтенант ГБ.

84 Ф.20. Оп.1. Д.259. Л.1, 3, 5, 22, 30-32, 37.

85 **Малинин** Леонид Андреевич (октябрь 1907 – ?) – уроженец Новосибирска, сын железнодорожного служащего, ремонтный рабочий, образование незаконченное высшее, член ВКП(б) с 1931. С IV курса Томского института инженеров транспорта мобилизован в ОГПУ в январе 1933, с сентября 1935 – слушатель ЦШ НКВД СССР, с 1 января 1937 – начальник I отделения ДТО НКВД Томской железной дороги, лично пытал арестованных. С 1 апреля 1939 – начальник Юго-Западной железной дороги. С середины января 1942 – начальник УНКВД-УНКГБ НСО, комиссар ГБ, с 9 октября 1944 – во главе УНКГБ Тарнопольской области УССР.

86 Ф.П-4. Оп.34. Д.104. Л.6-9, 12, 27.

87 Ф.П-1204. Оп.1. Д.31. Л.109, 110.

88 Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.280; Д.80. Л.20, 21; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов / Академия ФСК РФ [Сост. В.П. Ямпольский и др.] Т. I: Накануне. Кн. I: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. М., 1995. С.99-100.

89 Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.356-365.

90 **Панчурин** Борис Васильевич (июль 1916 – ?) – уроженец Саратова, сын врача, образование среднее, теплотехник, русский, член ВКП(б) с 1939. С января 1937 – в Новосибирской МКШ ГУГБ, с ноября 1937 в УНКВД НСО: помоперуполномоченного СПО, с июня 1939 – старший следователь, помначальника следственной части, с января 1940 – врио начальника и начальник следчасти УНКВД. 13 мая 1941 – арестован на 30 суток и уволен из органов, с июня 1941 – уполномоченный Особотдела СибВО (Барнаул, Кемерово), с 17 ноября 1941 – замначальника следчасти Особотдела СибВО. Почётный чекист (апрель 1940).

Плесцов Сергей Иннокентьевич (5 ноября 1906 – ?) – уроженец Иркутска, из рабочих, переплётчик, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1926. С августа 1928 – в ОГПУ Томска, уполномоченный КРО, начальник Особотдела, с мая 1935 – в УНКВД ЗСК: начальник отделения в Особотделе и КРО, с июля 1937 помначальника СПО УНКВД НСО, с апреля 1938 – во главе Сталинского ГО НКВД. С 11 марта 1941 – замначальника УНКГБ НСО, 15 июля 1942 утверждён ЦК ВКП(б) замначальника УНКВД по Архангельской области. Почётный чекист (1938), награждён медалью «За отвагу» (1940). Лично пытал арестованных.

Соловьев Леонид Кузьмич (30 марта 1910 – ?) – из крестьян-середняков Шипуновского района Алтайского края, образование среднее, учитель начальной школы, русский, член ВКП(б) с 1939. С 1929 – нарследователь, с января 1933 в ОГПУ Алтая, с декабря 1936 – начальник КРО Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД, с 1939 – замначальника КРО УНКВД НСО, с 1940 – замначальника Сталинского ГО НКВД, с 20 января по август 1941 – начальник КРО УНКВД НСО, до 7 июня 1944 замначальника КРО УНКВД НСО, лейтенант ГБ. Почётный чекист (август 1937).

Ульянов Николай Алексеевич (1897 – ?) – из бедных крестьян Пospelихинского района Алтайского края, образование начальное, батрак, русский, член РКП(б) с 1924. С 1917 – в армии, с 1919 – партизан в армии Е.М. Мамонтова, с 1923 – председельсовета, позже – инструктор РК ВКП(б), с сентября 1928 в ОГПУ Алтая, с февраля 1933 – начальник ЭКО Барнаульского оперсектора ОГПУ, с февраля 1936 – оперуполномоченный, начальник 7-го отделения КРО УНКВД НСО, с февраля 1938 начальник Нарымского окротдела НКВД, с 1940 – Кемеровского ГО НКВД-НКГБ. Почётный чекист (1937).

91 Ф.П-4. Оп.34. Д.104. Л.1, 10, 55-58.

92Трифонов Иван Михайлович (1914 – ?) – член ВКП(б) с 1939. С конца 1937 – в СПО УНКВД НСО. Из характеристики 20 сентября 1938: «В борьбе с врагами народа беспощаден, напорист, злой. Хороший человек во всех отношениях»; по словам К. Пастаногова 27 сентября 1938: «У нас в отделе ходит такая легенда, что нет такого лица, которого бы т. Трифонов не заставил разоружиться». С 1940 – в Следственной части, весной 1941 отстранён от следственной работы. На октябрь 1941 – в действующей армии.

93 Карпов Сафрон Петрович (1912 – после 1991) – уроженец с. Яндобы Чувашской АССР. С декабря 1935 в Новосибирской МКШ ГУГБ, с 30 мая 1937 – в Нарымском окротделе НКВД: практикант, уполномоченный, начальник Следственной части; с 1940 – старший следователь, начальник 2-го отделения, с июля 1941 – утверждён помначальника Следственной части УНКГБ НСО. 20 сентября 1943 награждён орденом Знак Почёта, старший лейтенант ГБ. В 1956 уволен из КГБ, жил в Томске-7.

94 Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.43-47.

95Ковшук-Бекман Михаил Фомич (1898 – 1971) – член РКП(б) с 1919, образование начальное. В 1929 – начотделения Иркутского окротдела ОГПУ. В 1941 – начальник 5-го отдела III управления НКГБ СССР, капитан ГБ, с апреля 1941 – начальник УНКГБ-УНКВД НСО. Убыл из Новосибирска в январе 1942.

Кудинов Георгий Петрович – член РКП(б) с 1918, начальник ДТО НКВД Орджоникидзевской железной дороги, 26 апреля 1941 утверждён начальником УНКВД НСО (до июля 1941), майор ГБ.

96 Ф.П-460. Оп.1. Д.17. Л.29, 30, 99, 140.

97 В начале 1941 произошло разделение карательного ведомства на НКГБ, куда перешёл основной оперсостав, и НКВД, которому было поручено, в основном, руководство лагерями, тюрьмами, а также милицией; другим новшеством стала передача Особого отдела в ведение Наркомата обороны.

98 Киреев Иван Михайлович (февраль 1905 – ?) – член ВКП(б) с 1928, образование среднее, в ОГПУ с января 1930, с 1932 – в СПО ОГПУ-УНКВД (Свердловск, Челябинск), в 1939 – начальник КРО УНКВД по Челябинской области, с июля 1939 на ДВК, с марта 1940 – начальник 1-го ЭКО УНКВД НСО, старший лейтенант ГБ. Награждён орденом Красного Знамени (апрель 1939). 19 октября 1940 снят обкомом за пьяный дебош, арестован на 20 суток с последующим увольнением из НКВД. На 1941 – начальник Кривошёковского отделения УИТЛК УНКВД НСО (около 10.000 заключённых), «резко улучшил работу лагеря». На 1950 – в УМГБ НСО.

99 Ф.П-1204. Оп.1. Д.31. Л.65, 106; Ф.П-460. Оп.1. Д.13. Л.92-93; Д.17. Л.85, 105.

100 Ф.П-4. Оп.34. Д.102. Л.145-155; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Указ. изд. Т. 1. Кн. 2: 1 янв. – 21 июня 1941 г. С.39-40.

101 **Пугачев** Афанасий Макарович (апрель 1913 – ?) – уроженец Кемерово, из рабочих, образование неполное среднее, член ВКП(б) с 1932, в ОГПУ с мая 1934. Работал в Кемерово, Искитиме, с 1938 – начальник Доволенского РО НКВД, с 15 сентября 1939 – начальник Убинского РО НКВД, младший лейтенант ГБ. В 1955 в Томске, замполит батальона в в/ч 11012. В мае 1957 привлекался к уголовной ответственности по обвинению в уничтожении 225 человек.

102 Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.95-96, 146-152.

103 **Попов** Георгий Константинович (1903 – ?) – из крестьян, образование начальное, русский, член ВКП(б) с 1927. С декабря 1931 в ОГПУ Бийска, затем в Барнауле и Новосибирске. С июля 1939 – замначальника 2-го отделения СПО УНКВД НСО, с октября 1939 – начальник Колыванского, с 1940 – Куйбышевского РО НКВД, с мая 1941 во главе Доволенского МРО НКГБ, младший лейтенант ГБ.

104 Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.153-160.

105 Уйманов В.Н. Репрессии: Как это было... Томск, 1995. С.99, 126-127.

106 Ф.П-4. Оп.34. Д.67. Л.267-269; Д.125. Л.34.

107 Ф.20. Оп.1. Д.570. Л.9-14; Ф.1027. Оп.9. Д.71. Л.77, 129, 133, 152, 162.

108 Ф.П-1204. Оп.1. Д.29. Л.88-92.

109 Там же. Д.32. Л.48, 47, 50.

110 Например, в протоколах, вёдшихся Д.Ф. Ерёминим, значилось: «поэт Шевченко – националист», а у передовика Панова упоминался некто «папа римский из Японии». Ф.П-460. Оп.1. Д.19. Л.10; Д.21. Л.75, 77.

111 Там же. Д.18. Л.39, 39 об., 40, 41 об.; Д.21. Л.65, 65 об.

112 **Дешин** Николай Иванович (24 апреля 1916 – ?) – уроженец с. Сокольское Липецкого уезда Воронежской области, из рабочих, образование незаконченное высшее, русский, член ВКП(б) с 1939. С апреля 1938 из Новосибирского института военных инженеров транспорта направлен в МКШ ГУГБ НКВД, с марта 1939 – в КРО УНКВД НСО, с 1942 – начальник отделения ЭКО, КРО, с июня 1944 – замначальника, начальник областного КРО УНКВД, майор, с сентября 1946 – начальник оперотдела УМГБ НСО, преподавал в МКШ. 22 сентября 1950 переведён в другую область.

113 Ф.П-460. Оп.1. Д.23. Л.55.

114 Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 1995. С.39-43; Ф.П-1204. Оп.1. Д.51. Л.256.

115 Ф.П-4. Оп.34. Д.171. Л.176, 177, 283; Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30-40-е гг.). Кемерово, 1994. С.55, 77; Сибирь: Вклад в победу... Указ. изд. С.258, 259.

116 Ф.20. Оп.1. Д.348. Л.7, 14, 27, 51; Ф.П-1204. Оп.1. Д.45. Л.216.

117 Ф.П-460. Оп.1. Д.45. Л.11.

118 **Кондаков** Петр Павлович (1902 – ?) – уроженец с. Людиново Калужской области, из рабочих, электромонтёр, образование среднее, член РКП(б) с 1920. С 1923 – в погранвойсках, в 1938 окончил школу усовершенствования командного состава войск НКВД. С декабря 1938 – начальник УНКВД по Вологодской области, затем во главе УНКВД Ярославской и Смоленской областей. С ноября 1944 – начальник УНКГБ НСО, генерал-майор, в марте 1948 перемещён на Северный Кавказ. Почётный чекист, награждён многими орденами, депутат ВС РСФСР.

119 Ф.П-460. Оп.1. Д.39. Л.82, 83.

120 Там же. Д.33. Л.85, 97, 67-70.

Впервые

Минувшее. Исторический альманах. – Вып. 21. Atheneum – Феникс. М.-СПб., 1997. С. 240-293.

опубликовано:

Публикуется с исправлениями